

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

*К 145-летию со дня основания
Томского государственного университета*

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

*Сборник статей, посвященный
100-летию со дня рождения
доктора юридических наук, профессора
Виктора Нифоновича Щеглова*

Томск
Издательство Томского государственного университета
2022

УДК 347.9+343.95+343
ББК 67.692.0+628+67.408
С89

Редакторы:

канд. юрид. наук, доцент *Н.Г. Галковская*,
д-р юрид. наук, профессор *Г.Л. Осокина*

С89 Судебная защита гражданских прав: прошлое, настоящее и будущее : сборник статей, посвященный 100-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора Виктора Нифоновича Щеглова / ред. Н.Г. Галковская, Г.Л. Осокина. – Томск : Издательство Томского государственного университета, 2022. – 102 с.

ISBN 978-5-907572-63-8

В сборник включены статьи преподавателей и аспирантов, студентов высших учебных заведений, научных и практических работников – участников Всероссийской научно-практической конференции «Правовые проблемы укрепления российской государственности» (Юридический институт ТГУ, г. Томск, 27–29 января 2022 г.) и XXII Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Российское право: трибуна молодого учёного» (Юридический институт ТГУ, г. Томск, 31 марта – 2 апреля 2022 г.).

Для преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений, а также практических работников, осуществляющих профессиональную деятельность в сфере юриспруденции.

УДК 347.9+343.95+343
ББК 67.692.0+628+67.408

ISBN 978-5-907572-63-8

© Томский государственный университет, 2022

От редакторов

3 ноября 2021 года исполнилось 100 лет со дня рождения профессора Томского государственного университета, доктора юридических наук Виктора Нифоновича Щеглова. Этой дате был посвящен круглый стол «Защита гражданских прав: прошлое, настоящее и будущее», приуроченный к ежегодной Всероссийской научно-практической конференции «Правовые проблемы укрепления российской государственности», которая состоялась 27–29 января 2022 г. в Юридическом институте

Томского государственного университета.

Основным направлением научных исследований профессора В.Н. Щеглова был гражданский и арбитражный процесс, широкий круг проблем их совершенствования в целях усиления защиты прав граждан и юридических лиц. Его перу принадлежит свыше 120 работ. Спустя десятки лет всё более ясным становится тот неоценимый вклад, который он внес в развитие науки гражданского процессуального права в целом и томской научной школы в частности. Реформирование процессуального законодательства ставит перед наукой гражданского процесса новые задачи и вызовы, основой для решения которых могут служить и идеи В.Н. Щеглова.

Н.Г. Галковская, Г.Л. Осокина

КРУГЛЫЙ СТОЛ «СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ»¹

В.В. Аргунов

ПРОКУРОР КАК СУБЪКЕТ ГРАЖДАНСКИХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Правовое положение прокурора в гражданском судопроизводстве – тема для отечественного права непростая. Здесь значение имеют не только отраслевые проблемы процессуальной науки, но и проблемы российской правовой культуры в целом. Особенности существования человека на территории России подсказывают, что община, коллектив, общество, государственная власть всегда играли в отечественной правовой культуре значительную роль. А патриотизм и любовь к Родине – неперемненное явление российского образования и воспитания каждого поколения².

Гражданский процесс – это плод отечественной и зарубежной истории и культуры, современного сознания образованных народов и законотворческой и судебной практики – писал К.И. Малышев³. Только взглянув на все части этого «плода» вместе – мы сможем сказать, какой он есть и каким должен быть. Также и Российская прокуратура, ее функции в судопроизводстве по граждан-

---

¹ Круглый стол проведен в рамках Всероссийской научно-практической конференции «Правовые проблемы укрепления российской государственности», 27–29 января 2022 г.

² Треушников М.К. Творческие поиски в науке гражданского процессуально-го права. М., 2021. С. 290.

³ Малышев К.И. Курс гражданского судопроизводства. СПб., 1876. Т. 1. С. II.

ским делам – уникальная часть гражданской процессуальной системы России, не имеющая аналогов за рубежом⁴.

Это требует безусловного учета в научных исследованиях, законопроектной работе и правоприменении. Не считаться с этим в правосудии – значит лишить российского обывателя последней надежды на справедливость, которую он по традиции ждет от государственной власти или авторитетных общественных институтов, но не ищет ее внутри себя.

Будущее правосудия в России – не в «партизанской войне», не в индивидуализме и состязательности, а в гармоничном сочетании общественного и индивидуального интереса. Правосудия можно достигнуть только с сильной и уважаемой государственной властью, не менее сильной и ответственной личностью, обладающей развитым правосознанием и пониманием права как ограничителя человеческих пороков. Личностью, видящей в праве не только возможность, но и долженствование в поведении. Каждый человек имеет права, поэтому существует норма права, обязывающая каждого выполнить свою социальную функцию, и основанием и мерилom этих прав является та функция, которую человек обязан выполнить. Созидательным элементом в социальной жизни является не право, а обязанность. Это – «очевидность», которая была подмечена многими отечественными юристами – И.А. Ильиным⁵, А.А. Гельденвайзером⁶ и др. Но с этой-то очевидностью – неким идеалом существования человека – до сих пор дела обстоят не так гладко. Сильная личность, готовая к диалогу с другой такой же личностью, с коллективом, с государственной властью, – редкий экземпляр на территории России, достойный занесения в Красную книгу.

---

⁴ Малешин Д.Я. Гражданская процессуальная система России. М., 2011. С. 299–104.

⁵ Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 309.

⁶ Гельденвайзер А.А. В защиту права. Нью-Йорк, 1952. С. 154–156.

Как такую личность сформировать? Что делать, пока такой личности нет? Над этими вопросами бьется не одно поколение отечественных философов, педагогов, историков, юристов, социологов.

В праве есть один из вариантов ответа на оба вопроса – воспитание и восполнение «неактивной» личности государством. Оно способно с помощью права сформировать желаемую модель поведения, даже если такая модель «не по душе» конкретному индивиду – незрелому и слабому человеку. Прокурору в России отчасти выпало выступать таким «воспитателем» и «восполнителем».

В гражданском процессе истинно социального государства также отражена одна из основных идей права о перераспределении ролей в дихотомии «субъективное право–обязанность» в пользу главенствующей роли обязанности в правовом регулировании социально ответственного общества.

По нашему мнению, концепция участия прокурора в гражданском судопроизводстве, которая обозначилась в России к концу XX в., рассчитанная на глубокое вмешательство государства и общества в защиту субъективных прав и законных интересов, как раз и основана на «восполнительной» функции, социальном гражданском процессе. К 1990-м гг. и наука вплотную подошла к решению этой проблемы, однако грядущие реформы в государстве и обществе отбросили большинство наработок назад ввиду потери их актуальности⁷.

Общественно-политическая обстановка 1990-х гг., судебная реформа, новые процессуальные кодексы (ГПК, АПК) несколько «затушевали» намеченную линию участия прокурора в гражданском процессе, провозгласив постулат, что защита права – дело индиви-

---

⁷ Далее по тексту мы будем ссылаться на работу В.Н. Аргунова как на последнюю из работ, посвященных участию прокурора в гражданском процессе, созданных в рамках «социалистической», «социальной» концепции гражданского процесса. Данная концепция требует, по нашему убеждению, полной поддержки и развития.

дуальное, дело каждой стороны. В то же время разработчикам ГПК РФ было ясно, что нельзя совсем отказываться от концепции сильного государства и широкого вмешательства власти и общественности в правосудие по гражданским делам. Прокурора как субъекта гражданских процессуальных отношений оставили, лишь ослабив его возможности в процессе. История 20-летней жизни ГПК РФ и АПК РФ показывает, что концепция, основанная на восполнении государством и обществом «слабой», недостаточно активной личности в правосудии, – правильный путь и прокурор в ней должен занять не менее значимое место, чем на закате советского права.

Статус прокурора в гражданском судопроизводстве. Концептуальная основа участия прокурора – связь конституционного аспекта права на судебную защиту с традиционным взглядом на гражданский процесс; проблема реализации и гармонизации в гражданском процессе интересов личности, государства, общества («частного» и «публичного» в гражданском процессе).

В правосудии всегда три интереса: интерес личности, общества и государства. Каждый из них должен быть в равной степени реализован. Для процесса – это константа. Однако, чтобы удержать эту константу, баланс в конкретном месте и в конкретное время может быть и нарушен, смещен в ту или иную сторону: сегодня в России – время и место сместить этот баланс в пользу общества и государства⁸. Время вернуться к вопросу об общественном правосудии, общественных процессуальных нормах, а также к прокурору и прочим субъектам, защищающим интересы других лиц, общества и государства иждивением самого государства.

Слова В.Н. Щеглова, понимающего процесс в духе функционального единства о методе *советского* гражданского процессуального права, хорошо подходят для современной ситуации: метод заключается в обеспечении охраны и защиты гражданских

---

⁸ В большей мере это требуется сделать в арбитражном процессе, в меньшей – в гражданском.

прав судом, арбитражем или иным органом по требованиям заинтересованных лиц, на основе процессуального равенства сторон, их обязанности доказать факты, и свободы сторон в распоряжении процессуальными правами под контролем и при содействии *юрисдикционного органа*. Широкое понимание гражданского процессуального права предполагает, что в защите прав и законных интересов одинаково заинтересована не только личность, но и государство, и общество. *Отрицание этого подхода – лишь дань традиции, мешающая позитивному развитию права*⁹ (выделено мною. – В.А.).

При этом, как и ранее, для исследования правового положения субъектов процесса наиболее перспективным представляется системно-функциональный подход с выявлением заинтересованности участия в процессе каждого субъекта¹⁰. Особенно это касается лиц, участвующих в деле. Здесь в науке до сих пор имеются неясности и противоречия: по третьим лицам, по прокурору, по субъектам, обращающимся в суд в порядке ст. 46–47 ГПК РФ.

Старый тезис о том, что цели прокурорского надзора (иных функций прокуратуры как правоохранительного органа) и правосудия по гражданским делам во многом совпадают, но осуществляются они судом и прокуратурой различными методами и в разных формах¹¹, не вызывает особых разногласий и сегодня. Относительно же того – что это за методы и формы – в процессуальной доктрине ясность отсутствует.

Известно, что право на судебную защиту реализуется в трех группах правоотношений: по разбирательству и разрешению дела

---

⁹ Щеглов В.Н. Советское гражданское процессуальное право. Лекции для студентов. Томск, 1976. С. 8–9.

¹⁰ Щеглов В.Н. Вопросы теории гражданского процесса в свете нового законодательства // Вопросы теории и практики гражданского-правового регулирования : сб. ст. / ред. В.Ф. Волович, Б.Л. Хаскельберг, В.Н. Щеглов. Томск, 1985. С. 11.

¹¹ Бельдюгин В.Н., Швейцер Д.В. Прокурор в гражданском процессе. М., 1948. С. 13; Аргунов В.Н. Участие прокурора в гражданском процессе. М., 1991. С. 3.

по существу; по проверке правильности судебных постановлений и действий судебного исполнителя; по исполнению судебных постановлений¹. Очевидно, что задачи прокуратуры могут быть реализованы во всех перечисленных правоотношениях, часть из которых являются процессуальными².

Во всех этих правоотношениях есть единый объект – требование о защите, которое в гражданском процессе может быть реализовано не только самим интересантом, но и прокурором в рамках функции надзора за исполнением законов (ст. 21 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» – далее ФЗ «О прокуратуре») и за соблюдением прав и свобод человека и гражданина (ст. 26 ФЗ «О прокуратуре»). Требование о защите связано с правом на защиту, но не обусловлено им. Ведь право на защиту и право на обращение за защитой по своей природе и содержанию – разные явления³.

Этот общий тезис и предопределяет процессуальный статус прокурора – субъекта по судебному гражданскому делу.

Соотношение функций прокурора в прокурорской и судебной деятельности в гражданском судопроизводстве.

В этом вопросе мы поддерживаем тезис о том, что процессуальная форма – один из методов реализации прокурорского надзора. Функция надзора здесь может быть реализована с помощью процессуальной функции правосудия (суд), обвинения (истца, встречного истца), функции содействия в реализации процессуальных прав и обязанностей (истцу, ответчику, третьим лицам).

---

¹ Щеглов В.Н. Гражданские процессуальные правоотношения. М., 1966. С. 42. 42.

² Мы опускаем дискуссию о месте исполнительного производства и норм, регулирующих деятельность по исполнению судебных актов в системе отечественного права.

³ Щеглов В.Н. Вопросы теории гражданского процесса в свете нового законодательства. С. 14–17.

В зависимости от выбранной функции, прокурор и приобретает тот или иной правовой статус в процессе.

Интересно соотнести функции прокуратуры и суда во взаимодействии.

Участие прокурора в рассмотрении дел судами с точки зрения функций прокуратуры рассматривается в науке двояко: 1) в качестве одной из основных функций прокуратуры; 2) в качестве функции, производной от прокурорского надзора¹. На основе такого разделения строятся попытки разделить основания и условия участия прокурора в суде по гражданским делам.

Безусловно, функция является важной центральной категорией, которая помогает ясно определить содержание деятельности субъекта². Такой подход полезен для детализации моделирования порядка участия прокурора в гражданском процессе, в то же время не всегда способствует единому пониманию его процессуального статуса – ведь в осмыслении функций российской прокуратуры до сих пор не достигнуто консенсуса.

Полагаем, что участие прокурора в цивилистическом процессе – это функция, производная от целей и задач прокуратуры, закрепленных в ст. 1 ФЗ «О прокуратуре». Под функцией наиболее правильно понимать место прокуратуры в системе государственного механизма, ее основные обязанности и задачи, сферу деятельности. Уже поэтому участие в рассмотрении дела судами самостоятельной функцией прокурора быть не может.

То же и с гражданским процессом. Нельзя забывать о «единстве» гражданских процессуальных правоотношений. Любой процесс как правоотношение имеет своим объектом требование лица о защите материального права (как минимум) – во всех производ-

---

¹ См.: Воронин О.В. О содержании функции участия прокурора в рассмотрении дел судами // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 3 (9). С. 42–44.

² Гальченко А.И. Функции прокуратуры Российской Федерации: спорные вопросы // Lex russica. 2014. № 11. С. 1346–1359.

ствах, в исковом производстве, как правило, еще и спор о праве (как максимум)¹. Без этого объекта процесс не имеет смысла, как и участие в нем любого субъекта, в том числе прокурора. Неспроста ч. 3 ст. 1, ч. 1 и 3 ст. 35 ФЗ «О прокуратуре» носят отсылочный характер. Это – вторая причина, по которой «судебная функция» прокуратуры производна от задач прокуратуры в целом и не может быть выполнена изолированно от реализации функции надзора.

Довод же о том, что надзорная деятельность не всегда предшествует обращению прокурора в суд, а в ряде случаев закон предусматривает право прокурора на обращение в суд вне осуществления надзорной функции – не имеет значения для разрешения вопроса о статусе и задачах прокурора в гражданском процессе. Это относится к обеим формам участия прокурора: как инициирование процесса, так и вступление в процесс для защиты интересов других лиц, а также для дачи заключения по делу. Простое определение сущности прокурорского надзора и функций прокуратуры безотносительно к правосудию и функциям суда и само по себе не способно пролить свет на статус прокурора в гражданском судопроизводстве. Поэтому применительно к нашей теме исследования мы понимаем прокурорский надзор в широком смысле, включая в него и функцию участия прокурора в рассмотрении дел судами.

Далее следует прояснить вопрос: что первично при участии прокурора в гражданском судопроизводстве – надзор или процесс? Полагаем, что процесс. Процессуальная форма – метод реализации, поэтому очевидно, что главное – форма.

При этом важно отметить, что надзорная (судебная, если ее признавать самостоятельной) функция прокурора в конкретном

---

¹ Такой позиции, на наш взгляд, очень взвешенной и объемной, придерживался «поздний» В.Н. Щеглов в одной из своих программных статей, в отличие от более ранних взглядов, высказанных в докторской диссертации. Подробнее см.: Щеглов В.Н. Единство гражданского процесса и его объект // Труды ВЮЗИ. Т. 51: Вопросы науки советского гражданского процессуального права / под ред. М.С. Шакарян. М., 1977. С. 32.

вопросе начинается раньше процесса и заканчивается позже него. Для прокурора важен не только сам процесс со своей стадийностью, где он является участником, но и подготовительная, досудебная часть дела, а также исполнение принятых судебных постановлений. На всех этих этапах осуществления своих функций прокурор выступает как должностное лицо и юрист-профессионал. Специфика прокурорского надзора заключается в том, что он осуществляется не изолированно, а в тесной, неразрывной связи с другими видами государственной деятельности. Причем надзор строится таким образом, чтобы не мешать нормальному функционированию государственных органов¹. Сегодня это выражено в норме п. 2 ст. 26 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», где содержится запрет на подмену прокуратурой иных государственных органов и должностных лиц, осуществляющих контроль за соблюдением прав и свобод человека и гражданина².

Ясно, что в процессе с участием прокурора – всегда «синтез», «единство» деятельностей – прокурорского надзора и гражданского судопроизводства. Это отличает деятельность прокурора от деятельности иных участников судопроизводства.

Если говорить о системно-функциональном понимании процесса и его субъектов по В.Н. Щеглову³, то функция прокурора – всегда самостоятельная, и не сливается с иными функциями, включая основные: функцией правосудия, иска, защиты против иска, а также функциями содействия истцу (ответчику) в реализации их основных функций.

По нашему мнению, в гражданском судопроизводстве функция прокуратуры, хоть и является самостоятельной функцией в про-

---

¹ Аргунов В.Н. Участие прокурора в гражданском процессе. М., 1991.

² Некоторые исследователи считают, что эту норму нужно отменить. См., например: Васюшкин В. Пределы прокурорского надзора // Законность. 2010. № 11. С. 15–19.

³ Щеглов В.Н. Субъекты судебного гражданского процесса. Томск, 1979. С. 15.

цессуальной деятельности, но больше всего общих черт имеет с функцией суда (правосудия). Тем более что в современном цивилистическом процессе прокурор не осуществляет надзора за законностью «внутри процесса»¹. Поэтому по процессуальному статусу *прокурор ближе к суду*, нежели к кому-либо из лиц, участвующих в деле. Даже когда выступает инициатором процесса. Как суд, так и прокурор в ходе осуществления правосудия должны «восполнить» неактивную личность участника процесса, создать условия для реализации ее процессуальных прав и обязанностей.

Думается, конкретизация участия прокурора в гражданском судопроизводстве, восполняющего «активную личность», должна строиться с учетом следующих соображений.

Во-первых, «единство» основания участия прокурора в процессе. Субъективным основанием участия прокурора в гражданском судопроизводстве является интерес прокурора, единый в обеих признанных формах его участия в гражданском деле. Прокурор в гражданском процессе всегда защищает свой интерес и одновременно – осуществляет защиту прав и интересов иных лиц. Этот интерес обусловлен функциями прокуратуры и весьма схож с интересом суда в гражданском процессе, но не тождествен ему, не может также отождествляться и с интересами иных субъектов процесса. Заключатся он в обеспечении режима законности, соблюдении прав и свобод личности при осуществлении судебной защиты прав и законных интересов государства, физических и юридических лиц. Проявляется интерес всегда субъективно, после оценки прокурором фактических обстоятельств, норм права и возможности воспользоваться иными (непроцессуальными) средствами и методами прокурорского реагирования.

Указанный интерес входит в объект гражданского процессуального правоотношения наряду с требованием о защите нару-

---

¹ Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам. Актуальные вопросы. М., 2010. С. 196.

шенного (оспоренного) права истца, спором о праве. От структуры данного интереса зависит форма участия прокурора в процессе, его «двойной» процессуальный статус (см. далее).

Даже когда прокурор предъявляет самостоятельный иск в защиту государственных и общественных интересов, такой иск связан с одновременным разрешением спора субъектов материально-правовых отношений. Предметом судебного разбирательства и здесь является охраняемый законом интерес прокурора и спорное материально-правовое отношение, т.е. фактически два предмета. Судебное решение может быть вынесено и по одному из них¹.

Неправильное определение «прокурорских» и «истцовых», «судебных» начал в процессуальном положении прокурора может привести к неправильному толкованию и применению норм процессуального и материального права.

Во-вторых, «единство» и «двуликость» прокурора как субъекта процесса.

«Двойной статус» – главная особенность его участия в гражданском процессе. Других субъектов, могущих обладать таким статусом, в гражданском процессе нет.

Прокурор способен, как хамелеон, превратиться в одну из процессуальных фигур: истца, встречного истца, третьего лица с самостоятельными требованиями, суд. Если этого требует соблюдение законности в области материального и процессуального права, то «прокурор, предъявляющий иск в целях возбуждения гражданского дела, и прокурор, вступающий в начатое дело, исполняют единую надзорную функцию. Реализуется она посредством использования прокурором предусмотренных законом процессуальных средств. Какое из них выбрать, решает прокурор»². При этом он всегда остается прокурором, реализует функцию надзора, не сливаясь ни с одним из участников процесса.

---

¹ Аргунов В.Н. Участие прокурора в гражданском процессе. С. 119.

² Там же. С. 78.

В то же время, исходя из сущности гражданской процессуальной формы, прокурор не может, не имеет права заменить собой другую процессуальную фигуру, ни физически, ни юридически (в отличие от судебного представителя). Уважение и учет интересов каждого спорящего – основа любого судебного процесса, вытекающая из принципов равноправия, диспозитивности, права быть выслушанным на суде и пр. Прокурор не в силах ее нивелировать¹.

Это почему-то мало учитывается при определении статуса прокурора в гражданском процессе.

Вряд ли можно признать плодотворными многочисленные попытки отождествления в той или иной мере фигуры прокурора с иными процессуальными фигурами (сторонами, истцом, соистцом, определенного рода представителем и пр.)². Не лучше и подходы, обозначающие его «процессуальным истцом» (традиционный подход), «инициатором процесса»³ (модификация традиционного подхода).

Вновь широкую дискуссию о том, каков статус прокурора, инициирующего процесс, породили нормы КАС РФ, в особенно-

---

¹ На этих же соображениях основана позиция КС РФ, высказанная им в свое время при проверке конституционности ст. 140 ГПК РСФСР: «...в силу принципов диспозитивности, состязательности и равноправия сторон в гражданском судопроизводстве при осуществлении... процессуального права прокурор не должен действовать вопреки воле лица, в частноправовых интересах которого он обращается в суд и который как предполагаемый субъект спорных материальных правоотношений в соответствии с частью второй статьи 33 ГПК РСФСР участвует в гражданском процессе в качестве истца». Постановление КС РФ от 14 февраля 2002 г. № 4-П по делу о проверке конституционности ст. 140 ГПК РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Б. Фишер // СПС Консультант Плюс.

² См., например: Алиев Т.Т. Альтернативные взгляды на правовое положение прокурора в гражданском процессе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 2. С. 8; Ергашев Е.Р., Поджаров Д.А. О некоторых проблемах участия прокурора в гражданском процессе // Российское право : образование, практика, наука. 2020. № 1. С. 103–108.

³ Воробьев Т.Н. Теоретические и практические проблемы участия прокурора в гражданском судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019. С. 73–81, 108.

сти ч. 2 ст. 38, ч. 4 ст. 39 КАС РФ. Здесь следует согласиться с рядом исследователей, что различия между ГПК РФ, КАС РФ и АПК РФ – явление, усугубляющее проблему понимания места прокурора в процессуальных отношениях. Отсутствие в законодательных актах четкого наименования форм участия прокурора в гражданском судопроизводстве приводит к неопределенности в его процессуальном статусе, от чего страдает судебная практика¹. Различия в законодательном регулировании процессуального положения прокурора при рассмотрении и разрешении однородных дел логического обоснования не имеют², требуется определенная унификация.

По нашему мнению, прокурор в гражданском судопроизводстве – всегда прокурор, имеющий интерес в исходе дела. Он всегда обладает общими процессуальными правами (куда входит большинство прав, закрепленных в ст. 35 ГПК РФ, ст. 41 АПК РФ, ст. 45 КАС РФ), а иногда и специальными правами – в зависимости от формы его участия в деле (права истца, встречного истца, третьего лица с самостоятельными требованиями, права суда).

Двойственность статуса, наличие общих и специальных прав обусловлено сложной структурой интереса прокурора как лица, участвующего в деле. Думается, постоянный интерес прокурора – предупредить нарушение законности при разбирательстве дела и вынесении решения. Этот интерес – общий и проявляется одинаково в обеих формах участия прокурора. Данный интерес схож с целями и задачами основного субъекта процесса – суда. В инициативной форме к данному интересу добавляется «временный» интерес в удовлетворении иска и восстановлении

---

¹ Алиев Т.Т., Воробьев Т.Н. Правовой статус прокурора в гражданском процессе: новеллы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 1. С. 35–39.

² Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам. С. 197.

нарушенной законности¹, который имеет сходство с интересом истца (третьего лица с самостоятельными требованиями, ответчика, заявляющего встречный иск). «Двойной» процессуальный статус сложен для восприятия и исследования и требует дальнейшей конкретизации в науке, законодательной и судебной практике.

В-третьих, единство форм участия прокурора в гражданском судопроизводстве.

Как едина надзорная функция прокурора, как едино гражданское процессуальное правоотношение с точки зрения реализации права на судебную защиту, также едины и обе формы его участия в процессе. Не стоит проводить между формами участия непроходимую грань (как это сделано, например, в ч. 7 ст. 37 КАС), границы условны и определяются сутью прокурорского надзора, а не гражданского судопроизводства. Эти формы не исключают друг друга, могут быть использованы сразу в одном процессе (как правило, поочередно), без ущерба для прав и интересов его участников, принципов равноправия и диспозитивности.

По нашему мнению, верна точка зрения, допускающая возможность «включения» прокурора в активной форме путем вступления в уже начатое дело. Так, возможна защита прав ответчика и предъявление в его защиту встречного иска, а также предъявление иска от третьего лица с самостоятельными требованиями (т.е. защита иском, но без возбуждения дела): «...и встречный иск, и иск третьего лица не всегда полностью опровергают первоначальные исковые требования. Поэтому в этих условиях, несмотря на то, что прокурор выступает в прениях, дача заключения по делу в целом является необходимой». В то же время против прокурора предъявить встречный иск нельзя, однако ответчик может предъявить

---

¹ Аналогичный подход о функциях прокурора в процессе занимал В.Н. Щеглов, что и послужило нам основанием для построения такой структуры законного интереса прокурора при участии в деле. См.: Щеглов В.Н. Вопросы теории гражданского процесса в свете нового законодательства. С. 12.

встречный иск к лицу, в интересах которого прокурор предъявил иск. В этом случае прокурор, отстаивая исковые требования, дает заключение по встречному иску¹.

В-четвертых, детализация процессуального статуса прокурора процедурной сущностью процесса.

Виды производств как составные части процессуальной формы влияют на процессуальный статус прокурора, так же как и на статус иных участников процесса. В тех производствах, где нет истца, не может быть и прокурора-истца. Но существует, например, прокурор-заявитель.

В этом смысле в качестве отдельных направлений участия прокурора в гражданском процессе можно выделить неисковые производства. Например, обращение в суд с заявлением в порядке особого производства. Учитывая, что дела особого производства представляют собой достаточно подробный законодательный регламент, отличный от искового², требует уточнения и общая норма ст. 45 ГПК РФ о полномочиях прокурора в особом производстве. В первую очередь это касается инициирования возбуждения производства по делу. Здесь, думается, давно назрело решение о прямом закреплении в подразделе IV ГПК РФ в главе 27 нормы о возможности обращения прокурора с заявлением *по всем категориям дел особого производства*, а не только по делам, регулируемым главами 29–32 ГПК РФ. Соображений об ограничении его участия в процессе, аналогичных искомому производству, здесь не имеется. А характер субъективных прав и законных интересов, защищаемых в порядке особого производства, наоборот, требует более широкого вмешательства государства и общества, чем в каком-либо ином производстве. Тот же тезис актуален для дел об установлении фактов, имеющих

---

¹ Аргунов В.Н. Участие прокурора в гражданском процессе. С. 98.

² Подробнее см.: Аргунов В.В. Развитие особого производства в гражданском процессе: смена идей, взглядов, понятий // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2011. № 1. С. 73–86; Он же. Особое производство по административным делам // Вестник экономического правосудия. 2017. № 3. С. 62–75.

юридическое значение, рассматриваемых в арбитражном процессе (глава 27 АПК РФ). Что касается категорий дел, закрепленных как дела об обязательном предварительном судебном контроле (ч. 3 ст. 1 КАС РФ), то в них уже сегодня можно констатировать повсеместную возможность участия прокурора в той или иной форме, причем большей частью – в виде инициирования производства по делу.

Подытоживая и признавая, что участие прокурора в гражданском процессе требует детализации в правовом регулировании, в настоящей статье не поднимается важный вопрос – о случаях или «объективных» основаниях, «пределах» такого участия, а также о вариантах его законодательного регламента. Учитывая, что здесь еще с советских времен существует значительная палитра мнений, требующих отдельного исследования и оценки¹, лишь наметим абрис для будущего обсуждения.

Представляется, что наиболее простым и надежным решением будет давно предлагаемый «объективный» подход, предполагающий перечисление в законе типов социально значимых правоотношений, по которым прокурор может выступить в качестве инициатора процесса или вступить в дело для дачи заключения. Все остальное можно оставить на усмотрение самого прокурора. Известно – для обращения в суд в инициативной форме «...необходимо, чтобы прокурор был убежден в нарушении права или охраняемого законом интереса гражданина, государственной или общественной организации»².

Варианты дополнения вышесказанного «субъективным» подходом («состояние здоровья», «возраст», «уважительность причин» по ч. 1 ст. 45 ГПК РФ, ч. 1 ст. 39 КАС РФ) – неочевидны с

---

¹ См. наиболее новые работы на этот счет: Воробьев Т.Н. Теоретические и практические проблемы участия прокурора в гражданском судопроизводстве. С. 18–52; Залюкова Г.И. Унификация участия прокурора в гражданском судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2019. С. 81–108.

² Щеглов В.Н. Иск о судебной защите права. Томск, 1987. С. 47.

точки зрения оправданности прокурорского вмешательства в конкретных случаях.

Такой подход уже работает применительно к прокурору, дающему заключение по делу. Он же приемлем и для инициативной формы.

Н.Г. Галковская

О ПРЕДМЕТЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ ПРОФЕССОРА В.Н. ЩЕГЛОВА

В 1960-х гг. Николаем Борисовичем Зейдером была сформулирована теория, получившая впоследствии название «широкое понимание гражданского процессуального права». Хотя еще до высказываний Н.Б. Зейдера в литературе уже предпринимались попытки «расширения советского гражданского процесса». К примеру, еще в 1957 г. Сергеем Васильевичем Курьлевым была высказана мысль о существовании процессуальной формы как достояния не только правосудия, но и некоторых несудебных органов¹. О единстве гражданского процессуального права на основе единого характера регулируемых общественных отношений в процессе юрисдикционной деятельности писал в свое время и Владимир Михайлович Семенов². Тем не менее именно мысль о расширении рамок гражданского процесса впервые была озвучена непосред-

---

¹ Курьлев С.В. Формы защиты и принудительного осуществления субъективных прав и право на иск // Труды Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова. 1957. Т. 22, вып. 3. С. 175–176.

² Семенов В.М. К вопросу о ценности гражданского процессуального права и гражданской процессуальной формы // Проблемы совершенствования Гражданского процессуального кодекса РСФСР : научные труды. Свердловск, 1975. Вып. 40. С. 9.

ственно Н.Б. Зейдером в его известной работе «Предмет и система советского гражданского процессуального права»¹. В свою очередь, высказанная в 1962 г. позиция профессора Саратовского юридического института способствовала появлению «нового направления в учении о предмете гражданского процессуального права»² и не без основания послужила поводом называть его основателем широкого подхода к определению предмета гражданского процессуального права.

Н.Б. Зейдер полагал, что деятельность различных по правовой природе органов – суда, органов арбитража, профсоюзных организаций, товарищеских судов и т.д. – в определенной области служит одной общей цели и имеет один предмет – разрешение спора о праве и защиту нарушенного или оспоренного права. Это дает основание всю деятельность различных органов по разрешению споров о праве и защите права объединить в общем понятии советского гражданского процесса³.

Теория о широком понимании гражданского процессуального права была поддержана многими известными советскими процессуалистами: Н.И. Церетели⁴, И.А. Жеруолисом⁵, П.Ф. Елисейкиным⁶, В.П. Воложаниным⁷, А.А. Добровольским¹ и др.

---

¹ Зейдер Н.Б. Предмет и система советского гражданского процессуального права // Правоведение. 1962. № 3. С. 69–82.

² Чечина Н.А. Основные направления развития науки советского гражданского процессуального права. Л., 1987. С. 39.

³ Зейдер Н.Б. Предмет и система советского гражданского процессуального права. С. 81.

⁴ Церетели Н.И. Проблемы совершенствования хозяйственного правопорядка и арбитраж : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тбилиси, 1971.

⁵ Жеруолис И.А. Сущность советского гражданского процесса. Вильнюс, 1969.

⁶ Елисейкин П.Ф. Предмет и принципы советского гражданского процессуального права : учеб. пособие. Ярославль, 1974; Елисейкин П.Ф. Защита субъективных прав и интересов и компетенция суда в советском гражданском процессе. Владивосток, 1969.

⁷ Воложанин В.П. Несудебные формы разрешения гражданско-правовых споров. Свердловск, 1974.

Виктор Нифионович Щеглов также отстаивал точку зрения о широком понимании гражданского процессуального права. Это следует из его известных и фундаментальных работ: монографии «Гражданское процессуальное правоотношение» (1966 г.)² и курса лекций для студентов «Советское гражданское процессуальное право» (1976 г.)³. Виктор Нифионович, в частности, писал, что «советское гражданское процессуальное право представляет собой систему правовых норм, регулирующих общественные отношения судебных, арбитражных и общественных органов с лицами, участвующими в деле, и другими субъектами, направленными на защиту гражданских прав»⁴.

Несмотря на то что озвученная точка зрения вызвала положительный резонанс, получив поддержку многих известных ученых, в то же время она нашла и противников. Не имеет смысла отрицать, что традиционным всегда являлся узкий подход к определению предмета гражданского процессуального права. Его придерживалось большинство видных ученых, среди которых С.Н. Абрамов, Н.И. Авдеенко, А.Т. Боннер, Л.А. Грось, М.А. Гурвич, И.М. Зайцев, М.К. Треушников, А.В. Цихоцкий, Н.А. Чечина, Д.М. Чечот и др. Оттого предложенный широкий подход был подвергнут серьезной критике.

С одной стороны, авторы не соглашались с включением в предмет гражданского процессуального права общественных отношений, складывающихся с участием любых других юрисдикционных органов, помимо судов общей юрисдикции. С другой стороны, часть авторов критиковала лишь включение в область гражданского процессуального права деятельность несудебных юрисдикционных органов. Проще говоря, в узком понимании граждан-

---

¹ Добровольский А.А. Исковая форма защиты права. М., 1965.

² Щеглов В.Н. Гражданское процессуальное правоотношение. М., 1966. 168 с.

³ Щеглов В.Н. Советское гражданское процессуальное право : лекции. Томск, 1976. 82 с.

⁴ Там же. С. 8.

ский процесс рассматривали исключительно как гражданское судопроизводство.

Таким образом, вокруг предмета гражданского процессуального права, главным образом системы этой отрасли права, разгорелся теоретический спор, не угасающий многие годы вплоть до настоящего времени.

Среди современных последователей широкого понимания предмета гражданского процессуального права следует отметить профессора Томского госуниверситета Галину Леонидовну Осокину, ученицу профессора В.Н. Щеглова, яркого современного представителя томской научной школы гражданского процесса. Галина Леонидовна подробно исследовала этот вопрос в своем известном учебнике по гражданскому процессу. Общая часть¹ передала через поколения логику рассуждений профессора В.Н. Щеглова и других сторонников этого широкого подхода.

По мнению Г.Л. Осокиной, гражданское процессуальное право представляет собой систему гражданских процессуальных норм, с участием общих, арбитражных и третейских судов регулирующих общественные отношения, возникающие в связи и по поводу применения норм гражданского, семейного, трудового и иных родственных им отраслей материального права в целях защиты и охраны субъективных прав и охраняемых законом интересов субъектов материальных отношений². Свои выводы автор формулировала, отталкиваясь от того, что нормы гражданского и иных родственных ему отраслей материального права применяются не только судами общей юрисдикции, но арбитражными, а также третейскими судами. Следовательно, общественные отношения, возникающие с участием общих, арбитражных и третейских судов в связи и по поводу применения норм гражданского и иных род-

---

¹ Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть : учебник. 3-е изд., переаб. М., 2013. 704 с.

² Там же. С. 24.

ственных ему отраслей материального права, составляют предмет гражданского процессуального права. Такой вывод, в свою очередь, вовсе не исключает некоторых различий в порядке образования и деятельности общих, арбитражных и третейских судов¹.

Интересно отметить, что в научном мире, несмотря на первичное резкое непринятие большинством авторов широкого подхода, с течением времени он становился все более популярным. Многие авторы (среди которых М.С. Шакарян, В.В. Ярков, И.А. Приходько) отстаивали необходимость включения законодательства об арбитражном судопроизводстве в структуру гражданского процессуального права. Это, в свою очередь, по мнению Г.Л. Осокиной, являлось не чем иным, как фактическим признанием необходимости широкого подхода к определению предмета изучаемой отрасли права².

Как справедливо отмечает Наталья Андреевна Громошина, в результате многолетней дискуссии сложилось более-менее общее понимание, что гражданское судопроизводство включает процессы гражданский и арбитражный. Существование двух этих цивилистических процессов – вопрос целесообразности, а не проявление сущности. Сущность наличия двух процессов не требует³.

Невозможно не обратить внимания, что в последнее десятилетие дискуссия о системе российского права вновь обострилась, затронув и гражданское процессуальное право. Представляется, этот процесс жизненно необходимый для всякой отрасли права. Ведь вопрос о предмете отрасли права, в том числе гражданского процессуального права, не должен переставать быть актуальным, поскольку он имеет фундаментальное значение. Изменения, которые происходят в области процессуальных отношений, требуют адекватного научного подхода. Это вполне объяснимо, ибо разви-

---

¹ Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. С. 24.

² Там же. С. 20.

³ Громошина Н.А. О единстве процесса, едином ГПК и рабочих программах, преподаваемых по кафедре гражданского процесса дисциплин // Вестник гражданского процесса. 2020. № 1. С. 13–21.

тие любой отрасли права всегда предполагает в первую очередь ее самоидентификацию на определенном этапе¹. В этой связи, как абсолютно справедливо отмечает Елена Евгеньевна Уксусова, «по мере развития отечественной гражданской процессуальной науки неизменным сохраняется главный объект познания – гражданское процессуальное право и наличествующие с ним правовые связи и зависимости явлений и процессов в нашей правовой системе»².

Происходящие события в правовой действительности вынуждают многих авторов взглянуть по-новому на обозначенную проблематику. В результате чего обсуждение вопроса о предмете гражданского процессуального права, его системе, гражданской процессуальной форме в последние годы активизировалось и вновь привлекло внимание процессуалистов, что выразилось в свежей волне обсуждений. В этой связи теория Николая Борисовича Зейдера, Виктора Нифоновича Щеглова и их последователей о широком подходе к определению предмета гражданского процессуального права, можно сказать, переживает эпоху возрождения. Это связано с существенными изменениями как судебной системы, так и процессуального законодательства. Так, с целью выработки концептуального подхода к развитию гражданского и арбитражного процессов, обеспечения единства взглядов судов общей юрисдикции и арбитражных судов в регулировании одинаковых правоотношений, в 2014 г. Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 186-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» в арбитражный процесс были внесены существенные поправки. Тогда же был упразднен Высший Арбитражный Суд РФ; суды общей юрисдикции и арбитражные суды.

---

¹ Юрова Н.М. Международное гражданское процессуальное право: теоретические основы имплементации норм в правовой системе Российской Федерации. М., 2008. 352 с.

² Уксусова Е.Е. Взаимосвязи гражданского процессуального права с правом материальным: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 3. С. 143–153; № 4. С. 80–88.

ражные суды объединены в единую судебную систему, возглавляемую Верховным Судом РФ. В тот же период было положено начало разработке единого процессуального кодекса, полностью унифицирующего судебные процессы. Решением Комитета Государственной Думы РФ по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству от 8 декабря 2014 г. № 124(1) утверждена Концепция единого Гражданского процессуального кодекса РФ, представляющая собой базовый документ предстоящей радикальной реформы гражданского и арбитражного процессов, нацеленной на унификацию последних путем принятия нового единого Гражданского процессуального кодекса РФ. Однако в 2015 г. был принят и с 15 сентября того же года введен в действие Кодекс административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ). Верховный Суд РФ продолжил масштабное реформирование существующего процессуального законодательства. Свое стремление к проведению процессуальной реформы Верховный Суд РФ отразил в Постановлении Пленума от 3 октября 2017 г. № 30 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Принятые впоследствии федеральные законы 2018–2019 гг.¹, по верному замечанию Татьяны Владимировны Сахновой, представляли собой «самую знаковую и принципиальную реформу процесса XXI в. после принятия ГПК РФ и

---

¹ Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ (ред. от 17.10.2019) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральный закон от 18.07.2019 № 191-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральный закон от 26.07.2019 № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

АПК РФ 2002 г.»¹. Масштабные изменения процессуального законодательства небезосновательно стали именоваться революционными². В профессиональном сообществе произошедшие изменения вызвали широчайшую дискуссию, с акцентом в сторону неприятия большинства предложенных Верховным Судом РФ инициатив. Критические замечания ведущих ученых, практиков были сформулированы в обнародованном коллективном правовом заключении³.

В череде происходящих событий следует упомянуть реформу третейского разбирательства, в ходе которой был принят Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», а также внесены изменения в отдельные законодательные акты, в том числе процессуальные кодексы. Одним из главных последствий данной реформы стал переход к разрешительному порядку создания третейских судов, а также создание органов содействия и контроля в отношении арбитражной деятельности. Функции содействия и контроля возложены теперь на государственные суды Российской Федерации. Вер-

---

¹ Сахнова Т.В. О реформах цивилистического процесса 2018–2019 гг.: взгляд сверху // Вестник гражданского процесса. 2020. № 3. С. 12–29.

² Осенние изменения в работе судов: новая процессуальная революция? / Е. Борисова, Л. Головки, В. Ярков и др. // Закон. 2019. № 10. С. 19–29; Смагина Е.С. Завершена ли «процессуальная революция»? // Вестник гражданского процесса. 2019. № 4. С. 113–12; Трезубов Е.С. «Процессуальная революция». Обзор изменений в цивилистические процессуальные кодексы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 2 (10). С. 194–195; Приходько И. Процессуальная революция. Какие задачи удалось, а какие не получилось решить? // Журнал РШЧП. 2019. № 3. С. 43 и др.

³ Коллективное правовое заключение на законопроект Верховного Суда Российской Федерации о внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и индивидуальные заключения ученых и практиков / Д.А. Туманов, Е.Г. Стрельцова, С.В. Моисеев и др. // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 256–345.

ховным Судом РФ выпущено Постановление Пленума ВС РФ № 53 от 10.12.2019 (так называемый третейский пленум)¹.

Также среди прочих изменений следует отметить тенденцию расширения источников отраслевого процессуального права и стремление законодателя осуществлять специальное регулирование судопроизводства с учетом специфики предмета судебного рассмотрения (расширение на уровне ГПК РФ, АПК РФ типизации производства по отдельным категориям дел за счет установления особенностей процессуального порядка либо приумножение на уровне федеральных законов за счет увеличения объема специальных процессуальных норм уже типизированных процессуальными кодексами производств)².

В условиях кардинального реформирования процессуального законодательства обращение к концептам гражданского процессуального права стало необходимостью. Многие авторы задались вопросом: с чем связан кардинальный шаг законодателя по принятию в 2015 г. нового кодифицированного акта – КАС РФ. Означает ли принятие КАС РФ изменение структуры российского права или такой подход демонстрирует лишь расширение источников гражданского процессуального права?

В своем большинстве процессуалисты³, отрицательно оценивая состоявшееся, по меткому высказыванию Натальи Андреевны

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража».

² Укусова Е.Е. Взаимосвязи гражданского процессуального права с правом материальным: проблемы теории и практики. № 3. С. 143–153; № 4. С. 80–88.

³ Боннер А.Т. Административное судопроизводство в Российской Федерации: миф или реальность, или Спор процессуалиста с административистом // Закон. 2016. № 7. С. 24–51; То же // Вестник гражданского процесса. 2016. № 5. С. 11–53; Сахнова Т.В. Административное судопроизводство: проблемы самоидентификации // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 9. С. 35–40; № 10. С. 45–48; Административное судопроизводство : учебник / под ред. В.В. Яркова. М., 2016. 560 с.

Громошиной, «отпочкование», определяют законодательство, регулирующее административное судопроизводство, как формирующуюся подотрасль гражданского процессуального права¹.

В свою очередь, в среде представителей науки административного права доминирует мысль об автономности норм, регулирующих административное судопроизводство, и их обособлении в самостоятельную отрасль права – административное судебное право². В частности, Александр Борисович Зеленцов на основе анализа таких критериев, как наличие собственного предмета, метода правового регулирования, правового режима, законодательной обособленности отрасли, социальной значимости цели и задач, норм, общественной потребности, государственного интереса в формировании норм и т.д., доказывает самостоятельность отрасли судебного административного права в системе российского права и возможность ее приравнивания по своему правовому статусу к уголовному процессуальному, гражданскому процессуальному и конституционному судебному праву³.

Известный специалист в области административного права Юрий Николаевич Стариков, ссылаясь на феномен специальной административно-процессуальной формы, уникальность системы,

---

¹ Громошина Н.А. О единстве процесса и месте административного судопроизводства в системе российского права: продолжение дискуссии // Административное право и процесс. 2018. № 3. С. 42–46.

² Зеленцов А.Б. Административное судебное право: концептуальные проблемы формирования // Административное право и процесс. 2015. № 2. С. 39–46; Он же. Административная юстиция как судебное административное право: концептуальные проблемы. М., 2014; Стариков Ю.Н. К дискуссии о Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 2. С. 19–44, 62–75; Гречкина О.В. Развитие научных идей должно основываться на модернизации современного административного процессуального законодательства // Административное право и процесс. 2018. № 9. С. 7–10.

³ Зеленцов А.Б. Административное судебное право: концептуальные проблемы формирования. С. 39–46; Он же. Административная юстиция как судебное административное право: концептуальные проблемы. М., 2014. 180 с.

структуры и особого предназначения административного судопроизводства, кодифицированного в КАС РФ, в том числе и с конституционно-правовой точки зрения, нормы, регламентирующие осуществление административного судопроизводства, рассматривает в качестве подотрасли или института административного материального, административного процессуального права¹.

Не оспаривая наличие определенных особенностей административного судопроизводства, позволим себе не согласиться с мнением о его самостоятельной отраслевой принадлежности (наряду с гражданским процессуальным правом). Принятие КАС РФ – это результат конкретизации правового регулирования общих норм «профилирующей» отрасли гражданского процессуального права, которая состоит в «развитии его нормативных предписаний от общего к частному»². Как в свое время не возникло самостоятельной отрасли права – арбитражного процессуального права, из-за того что арбитражные суды стали рассматривать арбитражные дела по АПК РФ, так и сегодня административные дела не создают нового предмета новой отрасли права³.

При этом в основе процессуального регулирования административного судопроизводства по КАС РФ лежат принципы, общие процессуальные правила и институты гражданского процессуального права. Цитируя смелое критическое замечание Александра Тимофеевича Боннера, можно сказать, что «это, по суще-

---

¹ Стариллов Ю.Н. Административная юстиция: проблемы теории // Административное судопроизводство в Российской Федерации: развитие теории и формирование административно-процессуального законодательства. Воронеж, 2013. Вып. 7. С. 27–175.

² Глотова И.А. Конкретизация норм трудового права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 9.

³ Громошина Н.А. О единстве процесса и месте административного судопроизводства в системе российского права: продолжение дискуссии. С. 42–46.

ству, слегка подправленное гражданское судопроизводство»¹. В целом можно говорить о том, что КАС РФ построен на сложившемся фундаменте гражданского процессуального права и использует во многом аналогичные механизмы регламентации процессуальных действий суда, лиц, участвующих в деле, и других участников процесса². Следовательно, административному судопроизводству в силу «духовного родства» с гражданским судопроизводством, автоматически в силу принятия кодифицированного акта (КАС РФ), невозможно утратить своей природы и, соответственно, своего места в составе цивилистического процесса. До тех пор, пока отечественное законодательство не зафиксирует принципиально иной подход нормативно-правового регулирования, отправление правосудия по рассмотрению дел, возникающих из публичных правоотношений, можно рассматривать в качестве элемента цивилистического процесса³.

Между тем в настоящее время отчетливо наблюдается тенденция к интеграции и унификации правового регулирования процессуального законодательства в целях устранения неоправданных различий и противоречий в регулировании одних и тех же институтов гражданского, арбитражного и административного судопроизводства в трех цивилистических процессуальных кодексах: Гражданском процессуальном, Арбитражном процессуальном кодексах РФ и Кодексе административного судопроизводства. В Концепции единого ГПК РФ справедливо обращается внимание на то, что административное судопроизводство является разновидно-

---

¹ Боннер А.Т. Административное судопроизводство в Российской Федерации: миф или реальность, или Спор процессуалиста с административистом // Закон. 2016. № 7. С. 37.

² Административное судопроизводство : учебник для студентов высших учеб. заведений по направлению «Юриспруденция» (специалист, бакалавр, магистр) / под ред. В.В. Яркова. М. : Статут, 2016. С. 29 (автор главы – В.В. Ярков).

³ Рожкова М.А., Глазкова М.Е., Савина М.А. Актуальные проблемы унификации гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства / под общ. ред. М.А. Рожковой. М. : ИЗИСП, ИНФРА-М, 2015. 304 с.

стью цивилистического процесса. Учитывая, что дела, возникающие из публичных правоотношений, по существу, имеют те же процессуальные формы рассмотрения, что и частноправовые, Кодекс административного судопроизводства может стать переходной ступенью к дальнейшей унификации всех процессуальных норм (за исключением уголовного процесса) в едином кодифицированном акте.

Вопрос о предмете гражданского процессуального права также подразумевает анализ взглядов относительно включения в него общественных отношений, складывающихся с участием третейских судов.

Вопросы о третейском процессе, его месте в системе юридической деятельности, процессуальной форме деятельности третейского суда как юрисдикционного органа также не отличаются единством мнений.

Что примечательно, впервые термин «третейский процесс» в современном смысле был употреблен Виктором Никифоровичем Щегловым в его монографии «Гражданское процессуальное правоотношение»¹. В.Н. Тарасов, О.Ю. Скворцов также исследовали вопросы третейского процесса и посвятили этому отдельные монографии².

Опираясь на научные исследования Валерия Николаевича Протасова, еще одного известного ученика профессора В.Н. Щеглова, который изучал теоретические основы правовых процедур, перечисленные выше авторы продолжают мысль о том, что третейский процесс представляет собой урегулированные нормами права общественные отношения и возникающие в связи с этим процессуальные действия, облачаемые в особую правовую форму.

---

¹ Щеглов В.Н. Гражданское процессуальное правоотношение. М., 1966.

² Тарасов В.Н. Третейский процесс. СПб., 2002; Скворцов О.Ю. Третейское разбирательство предпринимательских споров в России: Проблемы. Тенденции. Перспективы. М., 2005. 704 с.

Как отмечал В.Н. Протасов, материальное охранительное правоотношение является основным для процессуальной процедуры, и его содержание в основном состоит во властном вмешательстве компетентного органа в механизм реализации материальных регулятивных норм с целью поддержания его нормального функционирования¹. Именно такое содержание охранительного правоотношения определяет властное положение третейского суда в процессе и позволяет рассматривать его деятельность в совокупности с действиями сторон и других участников в качестве процесса².

Полагаясь на данные умозаключения, Сергей Анатольевич Курочкин приходит к обоснованному выводу, что юрисдикционный характер деятельности третейского суда и реализация им гражданского охранительного правоотношения дает возможность рассматривать процесс разрешения спора в третейском суде (третейский процесс) в качестве составного элемента гражданского процесса в широком его понимании³. Далее автор отмечает, что такой вывод имеет чрезвычайно важное значение для правового регулирования процессуальной деятельности третейского суда, поскольку позволяет использовать для анализа рассматриваемого правового феномена методологический аппарат науки гражданского процессуального права⁴.

Стоит отметить недавние новеллы и более детальную регламентацию третейского разбирательства со стороны законодателя, ограничение количества постоянно действующих третейских судов и их государственную аккредитацию, развитие института про-

---

¹ Протасов В.Н. Гражданский процесс с позиций системного подхода (методологический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1979. С. 12.

² Курочкин С.А. Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика. М., 2007. 272 с.

³ Курочкин С.А. Указ. соч. 272 с.; Он же. Частные и публичные начала в цивилистическом процессе / науч. ред. В.В. Ярков. М., 2012. С. 181–183.

⁴ Курочкин С.А. Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика. М., 2007. 272 с.

цессуального контроля и содействия со стороны государственных судов, расширение перечня арбитрабельных дел.

Положения нового Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»¹ и соответствующие изменения в процессуальном кодексе делают возможным применение обеспечительных мер, мер по истребованию доказательств через государственные суды. Анализируя реформу третейского разбирательства, некоторые авторы отмечают, что она была осуществлена в том числе в контексте сближения третейских судов с государственными². Есть мнение, что дальнейшим шагом может стать отнесение к компетенции третейских судов других дел, рассматриваемых сейчас в государственных судах (например, по упрощенному производству)³.

Опираясь на некоторый ретроспективный анализ, предпринятую попытку через призму нескольких десятилетий переоценить подход к определению предмета гражданского процессуального права, получилось прийти к нескольким выводам. Во-первых, решение вопроса о самоидентификации любой отрасли права всегда имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Поэтому должны быть в полной мере оценены современные процессы изменения процессуального законодательства и перспективы его развития. Настоящая ситуация доказывает отсутствие детально разработанных концептуальных теоретических основ построения процессуальных кодексов. Во-вторых, теоретическая дискуссия об отраслевой принадлежности правоотношений, регулируемых КАС РФ, на сегодняшний день не завершена, и это, к сожалению, по

---

¹ Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации».

² Загидуллин М.Р. О содержании понятия «цивилистический процесс» // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 120–130; Малюшин А.А. Конституционно-судебное правотворчество в Российской Федерации: проблемы теории и практики. М., 2013. 404 с.

³ Загидуллин М.Р. О содержании понятия «цивилистический процесс». С. 120–130.

справедливому замечанию Н.В. Самсонова, препятствует совершенствованию не только административного, но и иных видов судопроизводства, тормозит унификацию цивилистического процесса¹. В свою очередь, цель по унификации процессуального законодательства не может быть достигнута при нарушении системных связей гражданского, арбитражного и административного судопроизводства.

Д.В. Князев

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ В.Н. ЩЕГЛОВА

Вся научная деятельность В.Н. Щеглова неразрывно связана с кафедрой гражданского права и процесса старейшего факультета Томского госуниверситета – юридического. Здесь его научная карьера начиналась, приобрела всесоюзный масштаб, здесь она прекратилась вместе с его уходом. Виктор Никифорович стоял у истоков томской школы гражданского процесса, его по праву можно назвать ее основателем.

Первые работы ученого посвящены судебному решению, его природе, сущности, законности и обоснованности. Так, в декабре 1955 г. в совете Свердловского юридического института он защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук (тема «Законность и обоснованность судебного решения»). На ее основе в 1958 г. в Новосибирске выходит одноименная монография.

Уже в тот период Виктор Никифорович проявил себя как глубокий ученый, способный к обстоятельному анализу исследуемых

---

¹ Самсонов Н.В. Типология административного судопроизводства и пути унификации цивилистического процесса // Вестник гражданского процесса. 2020. № 5. С. 118–133.

правовых явлений. Так, им впервые в науке гражданского процесса было комплексно изучено понятие законности судебного решения. Ученый пришел к выводу о том, что законность судебного решения сочетает в себе три элемента: 1) правильное применение судом норм материального права; 2) соблюдение норм процессуального права; 3) соблюдение норм о судоустройстве (законность решения находится в зависимости от организации суда, от соответствия его состава закону). Он доказал, что обоснованность судебного решения тесно связана с его законностью и зависит от правильного применения и толкования норм материального права, строжайшего соблюдения процессуального законодательства. Обоснованность судебного решения ни в коем случае нельзя смешивать с его мотивированностью. Последняя есть лишь качество судебного решения, отражающего доводы, обусловившие вывод суда по поставленному на его разрешение вопросу.

Вместе с тем уже тогда начинающий ученый обратил внимание на то, что мотивы принятого решения составляют важнейшую часть судебного акта как процессуального документа, и помимо отражения фактических и правовых оснований принятого решения, что не менее важно, должны служить целям улучшения деятельности судов, а также выполнению воспитательной функции суда, обеспечивать проверку законности и обоснованности судебного решения вышестоящим судом. Стоит также отметить, что в приведенных работах содержались конкретные предложения по предотвращению возможных ошибок в тогдашней практике судов.

Одновременно с работой над проблемами судебного решения В.Н. Щеглов высказывался по вопросам познания и доказывания. Так, в 1957 г. выходит статья «К вопросу о понятии доказывания», в которой он обосновывает позицию о том, что понимать под доказыванием возможно только деятельность сторон, третьих лиц и их представителей. Именно их деятельность направлена на убеждение суда в истинности фактов, составляющих основание иска и возражений против него. При этом он выступал резко против

включения суда в процесс доказывания, настаивал на четком разграничении судебного познания и доказывания, субъектов этой деятельности.

С начала 1960-х гг. В.Н. Щеглов активно разрабатывает тему процессуального правоотношения. Она же стала ключевой в его научном творчестве. На эту тему выходят публикации: о соотношении гражданского процессуального правоотношения с другими правовыми отношениями (1963 г.), о понятии сторон в советском гражданском процессе (1963 г.), о гражданской процессуальной правосубъектности (1964 г.), о гражданской процессуальной правоспособности и правосубъектности (1965 г.), о юридических фактах, вызывающих возникновение и изменение гражданских процессуальных правоотношений (1965 и 1966 г.), о соотношении материальных и процессуальных правоотношений (1966 г.), о специфических чертах гражданских процессуальных отношений (1966 г.).

Промежуточным, но важным итогом работы над проблемами процессуального правоотношения явилась монография «Гражданское процессуальное правоотношение», вышедшая в издательстве «Юридическая литература» в Москве в 1966 г. Далее работа над процессуальным правоотношением не прекращается, продолжают выходить научные статьи, он пишет о праве на обращение за защитой нарушенных или оспариваемых гражданских прав (1968 г.).

Одновременно идет подготовка к защите докторской диссертации. В марте 1968 г. на базе юридического факультета Московского государственного университета проходит защита его диссертации на соискание степени доктора юридических наук на тему «Гражданские процессуальные правоотношения».

Стоит подробнее остановиться на основных положениях этой работы.

Ученый убедительно доказывает, что гражданское процессуальное правоотношение имеет властно-правовой характер, а одной стороной такого правоотношения непременно выступает суд.

Остальные же участники процесса находятся в вертикальной правовой связи с судом, при этом не существует правовых отношений между субъектами процесса, минуя суд, также как и трехсторонней связи (и по вертикали, и по горизонтали) между участниками процесса.

Ученый приходит к выводу о том, что в составе отношения по разбирательству и разрешению дела по существу необходимо выделить отношение суда с истцом, такое отношение является главным и определяющим.

Он обратил внимание на то, что гражданский процесс и процессуальное правоотношение – это по существу тождественные понятия. Гражданский процесс является общественным отношением, урегулированным правом. Правовую форму гражданского процесса составляют субъективные права и обязанности, а содержание – процессуальные действия его субъектов.

Гражданские процессуальные отношения выступают только как правовые общественные отношения. Этим процессуальные отношения отличаются от многих других общественных отношений. Правовая форма как единственная форма процессуальных отношений обусловлена прежде всего потребностью в научно обоснованной деятельности суда, позволяющей устанавливать права и обязанности спорящих сторон, обеспечивать реальное и своевременное исполнение судебных постановлений. Отсюда регулирующее воздействие права на общественные отношения – оно состоит не в образовании правоотношения как самостоятельного общественного отношения, а в наделении субъектов общественного отношения правомочиями и обязанностями, на основе которых осуществляется их поведение.

В.Н. Щеглов формулирует понятие гражданского процессуального правоотношения: это урегулированное гражданским процессуальным правом общественное отношение между судебными органами и всеми другими участниками процесса, состоящее в процессуальной деятельности, совершаемой на основе процессуаль-

ных прав и обязанностей и направленной на защиту имущественных, трудовых и иных прав граждан, а также прав и законных интересов организаций.

После защиты диссертации выходит цикл статей, посвященных гражданскому процессуальному правоотношению, в которых профессор В.Н. Щеглов подвергает предмет исследования еще более глубокому анализу, он пишет о соотношении процессуального отношения и других правоотношений (1969 г.), о форме и содержании правового отношения (1970 г.), об охранительных правоотношениях и защите гражданских прав (1970 и 1971 гг.), о процессуальных правоотношениях как идеологических общественных отношениях (1972 г.).

Но уже в начале 1970-х гг. сфера научных интересов В.Н. Щеглова расширяется. Он обращает внимание на другие фундаментальные проблемы гражданского процесса: выходят публикации, посвященные вопросам содержания и формы в гражданском процессе (1973 и 1976 гг.), вопросам предмета и метода гражданского процессуального права (1977 и 1982 гг.), природы норм арбитражного процесса (1976 и 1981 гг.).

В 1980 г. в сборнике трудов Всесоюзного юридического заочного института выходит большая статья «Юридический процесс и процедура», подготовленная В.Н. Щегловым совместно с коллегой по кафедре Валерием Николаевичем Протасовым. Авторы обосновывают взгляд на юридический процесс как на систему процедурных правоотношений, которая направлена на выявление и реализацию материального охранительного правоотношения. Обязательным субъектом юридического процесса является компетентный орган.

В тот же период выходят лекции для студентов. Отдельно стоит упомянуть монографию «О субъектах судебного гражданского процесса» 1979 г. В ней он настаивает на выделении в гражданском судопроизводстве процессуальных функций: правосудия, иска, содействия истцу в поддержании иска, содействия ответчику в

защите против иска, содействия правосудию и др. В ней же введены ряд предложений по совершенствованию правового положения судебных органов и лиц, участвующих в гражданском деле.

Дальнейшая работа В.Н. Щеглова связана с разработкой проблем иска и права на иск. Так, в 1987 г. выходит монография «Иск о судебной защите гражданского права», и потом еще несколько статей, посвященных иску. В них он обращается к проблемам понятия, элементов иска, видов исков, вопросам возникновения права на иск, предпосылок и условий его реализации, права на удовлетворение иска.

Научные интересы В.Н. Щеглова охватывали самые разные сферы гражданского процесса, в большей степени – фундаментальные проблемы этой отрасли права. Многие вопросы, к которым обращался В.Н. Щеглов, не утратили актуальности и по сей день. Оставленное В.Н. Щегловым научное наследие богато и разнообразно. Нам, томичам, лестно, что этот ученый жил и работал в Томске, посвятил свою жизнь нашему городу, его университету, юридическому факультету.

А.В. Ковалева

РАЗВИТИЕ НЕЭКСПЕРТНЫХ ФОРМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Классификация субъектов гражданского процесса в известных лекциях профессора В.Н. Щеглова уже предусматривала специалиста, хотя данная процессуальная фигура еще была неизвестна отечественному ГПК 1964 г., где единственным носителем специальных знаний являлся эксперт. О необходимости введения специалиста в число лиц, содействующих осуществлению правосудия по делам гражданским, многократно высказывались отечествен-

ные ученые советского и постсоветского периода, в том числе В.Н. Щеглов, А.Т. Боннер¹ и многие другие.

Отечественный законодатель, тем не менее, достаточно долго как будто не признавал необходимости участия специалиста в арбитражном процессе, хотя ГПК РФ 2002 г. уже содержал нормы, предусматривающие его участие в двух формах (непосредственная помощь суду, консультации и пояснения). В АПК РФ нормы, предписывающие возможность участия специалиста, появились значительно позднее – в 2011 г.

Представляется справедливым напомнить, что введение специалиста в арбитражный процесс произошло с принятием Федерального закона от 08.12.2011 № 422-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам». Соответственно, специалист явился в арбитражном процессе новой процессуальной фигурой, обладающей специальными знаниями, наряду с экспертом. Между тем данный закон был направлен на создание в нашей стране специализированного арбитражного суда – Суда по интеллектуальным правам, который через год будет отмечать свой первый (десятилетний) юбилей. С учетом особенностей категорий дел, входящих в компетенцию специализированного арбитражного суда, формы использования в нем специальных знаний в арбитражном и административном судопроизводстве наиболее разнообразны: а) процессуальные формы, включая участие эксперта, назначенного арбитражным судом, участие специалиста, вызванного арбитражным судом (в том числе советника специализированного арбитражного суда, обладающего соответствующей специализацией, что говорит о близости специалиста процессуальной фигуре асессора в английском цивилистиче-

---

¹ Щеглов В.Н. Субъекты судебного гражданского процесса: лекции. Томск, 1979. С. 14; Боннер А.Т. Участие специалиста в гражданском процессе // Социалистическая законность. 1977. № 4. С. 52–53.

ском процессе); б) непроцессуальная форма, закреплённая в ч. 1.1 ст. 16.1 АПК РФ, – ответ специалиста на запрос специализированного суда, а также полученные в непроцессуальном порядке заключения специалистов, относимые на практике к письменным (ст. 87 АПК РФ) и иным (ст. 89 АПК РФ) доказательствам.

В свою очередь, процессуальная форма участия специалиста в арбитражном процессе определена в ч. 1 ст. 55.1 АПК РФ через цели такого участия, в том числе консультацию, разъяснение и выражение профессионального мнения. Консультация и разъяснения (при исследовании консультации специалиста в судебном заседании) даются в устной форме – данное правило установлено в ч. 2, 3 ст. 87.1 АПК РФ. Согласно ч. 1 ст. 162 АПК РФ консультация (пояснения) специалиста может иметь не только устную, но и письменную форму. Однако легальных определений консультации специалиста действующий АПК РФ не содержит.

Данное упущение законодателя приводит к различному пониманию процессуальной формы участия специалиста в арбитражном процессе, ее сущности. Большинство авторов утверждают, что АПК РФ содержит единственную форму участия специалиста в процессе – консультацию, воспринимая разъяснение и выражение профессионального мнения как часть консультации либо понимая их в совокупности как единый термин «консультация специалиста»², включающий две разновидности – консультацию специалиста в собственном смысле и пояснения специалиста³. По мнению ряда авторов, сущностью консультации или пояснений (разъяснений) специалиста являются показания специалиста, т.е. сведения, сообщенные

---

² Новоселова Л.А., Рожкова М.А. Интеллектуальная собственность: некоторые аспекты правового регулирования. М., 2016.

³ Михайлов С.М. Консультация специалиста как форма использования специальных знаний с неопределенным процессуальным статусом в проекте кодекса административного судопроизводства Российской Федерации // Юридический мир. 2014. № 1. С. 16.

им в ходе допроса⁴. Данный вывод представляется ошибочным, поскольку получение показаний возможно только в ходе допроса свидетеля, а пояснения и консультации специалиста – в ходе судебного заседания в иной, отличной от допроса процедуре. Правильным представляется понимание консультации специалиста как сообщения арбитражному суду научных, опытных, справочных сведений или как умозаключения, решения конкретных вопросов для установления определенных фактических обстоятельств по делу, не требующего проведения экспертных исследований, что во французской доктрине называется мини-экспертизой. Французский законодатель, в свою очередь, выделяет в цивилистическом процессе две формы участия специалиста: констатацию (неизвестную отечественному процессуальному законодательству) и консультацию.

Важно уточнить, что справочные сведения, сообщаемые арбитражному суду специалистом, являются научными, опытными. Именно эти характеристики отличают их от справочных сведений, сообщаемых обязанными субъектами в ходе истребования доказательств в порядке ст. 66 АПК РФ. Так, не учитывая особую, ввиду специальных знаний специалиста, природу справочных сведений, сообщаемых им суду, О.Г. Дьяконова указывает на невозможность сообщения суду в порядке консультации специалиста сведений справочного характера, поскольку считает получение такого рода информации возможным исключительно в непроцессуальном порядке от обязанных лиц (органов государственной власти и местного самоуправления, иных юридических или должностных лиц), а саму справочную деятельность не требующей использования специальных знаний⁵.

---

⁴ Дьяконова О.А. Особенности правового регулирования участия специалиста в арбитражном процессе // Современное право. 2013. № 5. С. 68; Жижина М.В. Допрос эксперта и специалиста в цивилистическом процессе (рекомендации для эксперта, суда, представителей сторон) // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 1 (41). С. 40.

⁵ Дьяконова О.Г. Формы участия специалиста в судопроизводстве // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 8 (24). С. 26.

Очевидным упущением законодателя является отсутствие в АПК РФ традиционной (УПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ) формы участия специалиста – оказания непосредственной помощи арбитражному суду, о чем неоднократно высказывались ученые-процессуалисты⁶. Более того, законодатель также не установил возможность участия специалиста в таких процессуальных действиях, как осмотр и исследование письменных и вещественных доказательств по месту их нахождения, а также подвергающихся быстрой порче (ст. 78, 79 АПК РФ), предусмотрев лишь возможность участия эксперта. Профессором А.Т. Боннером высказывалось мнение о необходимости отнесения к числу доказательств показаний технических средств (приборов, содержащихся в черных ящиках транспортных средств, иных измерительных приборов и устройств). Показания таких приборов и устройств (гаджетов), использование которых уже давно распространено как в сфере бизнеса и управления, так и в повседневной жизни, все чаще используются в качестве доказательств судами и арбитражными судами. На практике арбитражные суды нередко относят их к иным доказательствам, предусмотренным ст. 89 АПК РФ, порядок исследования которых АПК РФ не установлен. Между тем получение и исследование такого рода доказательств затруднительно без участия специалиста в форме технической или консультативно-справочной помощи.

На наш взгляд, предложенное А.Б. Габриянчик введение новой процессуальной фигуры оператора судебных заседаний с функцией технического обеспечения аудио- и видеозаписи судебного заседания или отдельного процессуального действия⁷, являющегося наря-

---

⁶ Ванярхо А.В. Лица, содействующие осуществлению правосудия, – участники арбитражного процесса Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 28–29 и др.

⁷ Габриянчик А.Б. Формы использования специальных знаний в гражданском и хозяйственном судопроизводстве: новые подходы // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. Гродно, 2018. С. 272.

ду с секретарем судебного заседания и помощником судьи штатным сотрудником аппарата арбитражного суда, как новой формы использования специальных знаний, является излишним, поскольку дублирует классическую функцию специалиста с установленными действующим АПК РФ функциями упомянутых сотрудников аппарата суда, традиционно им не свойственными. Более того, эра масштабного развития высоких технологий вряд ли позволяет секретарю судебного заседания или помощнику судьи обладать специальными знаниями и навыками. Кроме того, такие квалификационные требования к данным субъектам не предъявляются.

Между тем отечественной процессуальной доктриной выработаны иные неэкспертные формы использования специальных знаний: участие специалиста в обеспечении доказательств и в примирительных процедурах.

Как было упомянуто выше, возможным является участие специалиста в осмотре письменных и вещественных доказательств (при проведении судом), в том числе в целях обеспечения таковых. Данные нормы в настоящее время отсутствуют в АПК РФ.

Что касается участия специалиста в примирительных процедурах, то действующий АПК РФ также не закрепляет такую возможность. В свою очередь, доктринальная дискуссия по этому вопросу демонстрирует разнообразие подходов. Предложение О.Г. Дьяконовой об отнесении медиатора, обладающего специальными знаниями, к категории специалиста в процессуальном праве⁸ вызывает сомнение: совместимы ли институты медиации и специальных знаний? Лицо, участвовавшее в процедуре медиации в качестве медиатора, не может быть вызвано в суд в качестве специалиста в силу как прямого запрета, установленного ч. 6 ст. 15 Федерального закона № 193-ФЗ «О медиации», так и правовой

---

⁸ Дьяконова О.Г. Участие специалиста-медиатора как разновидность использования специальных знаний в судопроизводстве // Криминалистические чтения на Слобожанщине : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Белгород, 2021. С. 49.

природы указанного института. В этом отношении с мнением А.Б. Габриянчик о том, что примирителей следует также относить к числу субъектов – носителей специальных знаний ввиду наличия у них отсутствующих у суда знаний в области психологии, конфликтологии, навыков в сфере коммуникации, можно согласиться лишь отчасти. Данное мнение не учитывает, что, во-первых, примирители не всегда обладают специальными знаниями, а, во-вторых, имеющиеся у них знания не всегда можно отнести к специальным по цели их использования.

Однако участие специалиста в примирительных процедурах возможно. К примеру, его участие в примирительной процедуре (подобно процедуре превентивной технической консультации с целью урегулирования спора, закрепленной в ст. 696-bis ГПК Италии), результатом которой может стать соглашение о примирении или заключение специалиста, которое могло бы приниматься арбитражным судом как доказательство.

Полагаем, что рассмотренные неэкспертные формы использования специальных знаний с участием специалиста *de lege ferenda* получат свое закрепление в АПК РФ.

А.Н. Кукарцева

РАЗВИТИЕ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Принцип состязательности является одним из руководящих положений процессуального права⁹, в силу которого, для того чтобы суд мог установить действительные обстоятельства спора, стороны

---

⁹ Статьи 6.1, 9 АПК РФ, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» // СПС КонсультантПлюс.

вправе и должны сообщить суду факты, которыми они обосновывают свои требования и возражения, и привести доказательства этих фактов¹⁰. Состязательность арбитражного процесса как таковая касается в первую очередь процессуального института – функций суда и сторон.

Виктор Нифионович Щеглов отмечал, что принцип состязательности определяет внутреннюю структуру гражданского и арбитражного процесса¹¹.

Состязание, борьба сторон, отстаивание правильности своих утверждений и оспаривание положений, выдвигаемых другой стороной, составляют основу процессуальной деятельности истца и ответчика.

Таким образом, советский гражданский процесс предполагал организацию разбирательства в виде противоборства сторон перед беспристрастным арбитром и общий принцип невмешательства государства в собиание доказательств, если сторона об этом не просит.

Такая структура процесса обеспечивала практически неограниченную состязательность сторон в рамках хозяйственных споров. Инициаторами сбора доказательств выступали сами стороны, они же собирали доказательства. Накоплению процессуального материала, таким образом, способствовала только автономная деятельность сторон.

Если подходить к исследованию принципа состязательности с точки зрения сравнительного правоведения, то во многих странах романо-германского права достаточно развита состязательность, а в англосаксонских государствах суд, наоборот, постепенно становится более активным участником. Поэтому если исходить из этой модели, то для России характерен первый из указанных подходов.

---

¹⁰ Томина А.П. Состязательность в гражданском судопроизводстве: история, тенденции развития. Оренбург, 2019. 166 с. // СПС КонсультантПлюс.

¹¹ Щеглов В.Н. Советское гражданское процессуальное право. Томск, 1976. С. 49–50 // СПС КонсультантПлюс.

Независимо от этого состязательное производство в рамках гражданского и арбитражного процессов скорее продиктовано главенством частных интересов хозяйствующих субъектов.

На сегодняшний день судебная практика складывается таким образом, что реализация идей «чистой состязательности» при пассивной роли арбитражного суда в России становится нецелесообразна: очень часто суд не может быть нейтральным, только внимательно выслушав стороны, и решать спор на основании исключительно представленных доказательств.

Развитие российской правовой системы и усложнение отношений, которые она обслуживает, обусловило изменение проявлений принципа состязательности в сегодняшнем арбитражном процессе.

Это во многом связано как со стимулированием участников хозяйственных отношений быть более самостоятельными и активными, так и с необходимостью пресекать случаи злоупотребления правом.

Законом принцип состязательности раскрыт следующим образом: лица, участвующие в деле, вправе знать об аргументах друг друга и обязаны раскрыть доказательства, на которые они ссылаются как на основание своих требований и возражений, перед другими лицами, участвующими в деле, заблаговременно, до начала судебного разбирательства, учитывая при этом, что они несут риск наступления последствий совершения или несовершения ими соответствующих процессуальных действий (ч. 2 ст. 9, ч. 3 и 4 ст. 65 АПК РФ).

С формальной точки зрения процессуальный закон, таким образом, обязывает суд осуществлять руководство процессом, оказывать содействие в реализации лицами их прав (в том числе путем разъяснений, предупреждений об ответственности и т.п.), в целом создавать условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств при рассмотрении дела (ч. 3 ст. 9 АПК РФ).

Состязательность процесса предполагает, что лицо, участвующее в деле, вправе выбирать как активный, так и пассивный способ защиты своих интересов. И нынешний АПК РФ, в 2010 г. введя ч. 3.1 ст. 70 как презумпцию признания стороной доказательств, если они ею не оспорены, с одной стороны, упрощает порядок доказывания, с другой – требует выравнивать этот перекося в состязательности за счет поведения самого суда.

Это проявляется в ситуациях, когда, обеспечивая состязательность в процессе, арбитражный суд, например, откладывает рассмотрение спора в случае, когда истец требования по иску уточняет, а ответчик в заседании не присутствует¹².

Верховный Суд РФ весной 2021 г. высказался, что, делая вывод по спору на основании одних доказательств и отклоняя другие, суд обязан мотивировать такую избирательность под угрозой отмены судебного акта, поскольку обратное противоречит принципу состязательности сторон¹³. Это значит, что, мотивируя свои выводы определенными доказательствами, суд также обязан мотивировать отклонение иных доказательств второй стороны.

Таким образом, суд уже не только руководит процессом, но и в прямо определенных законом случаях может участвовать в сборе доказательств (на практике это могут быть: назначение судебной экспертизы; вызов свидетелей; вынесение на обсуждение сторон вопроса об истребовании доказательств или совершения отдельных процессуальных действий; вывод суда о недобросовестности

---

¹² Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 22.12.2005 № 99 «Об отдельных вопросах практики применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

¹³ Определение Верховного Суда Российской Федерации № 306-ЭС20-14567, Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021), утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 07.04.2021 // СПС КонсультантПлюс.

поведения лица в процессе или о злоупотреблении правом, о преимущественном положении одной из сторон в процессе)¹⁴.

Из практики Суд по интеллектуальным правам (СИП) в 2020 г. делает вывод, что возможность суда истребовать доказательства является предусмотренным законом отхождением от общего принципа состязательности процесса и как таковая допускается, но исключительно при соблюдении условий, установленных Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации¹⁵.

Хотя еще в 2019 г. сам СИП указывал, что суд не вправе до принятия окончательного судебного акта высказывать свое мнение по представленным сторонами доказательствам, а тем более предлагать стороне представить конкретные доказательства, поскольку это приводит к нарушению таких основополагающих принципов арбитражного процесса, как равноправие сторон, состязательность и непосредственность судебного разбирательства¹⁶.

Позднее, в 2021 г., Верховный Суд РФ отметил, что арбитражный суд вправе назначить проведение по делу судебной экспертизы в тех случаях, когда у него имеется необходимость в получении компетентного заключения по вопросам из предмета заявленных требований и конкретных обстоятельств дела¹⁷.

На сегодняшний день недавнее Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» (далее – Постановление № 46) определило пределы активности суда в процессе таким образом, что арбитражный суд, в силу принципов равноправия и состяза-

---

¹⁴ Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 13.05.2019 по делу № СИП-758/2018 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁵ Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 11.09.2020 по делу № СИП-719/2019 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁶ Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 25.03.2019 по делу № СИП-726/2018 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁷ Определение Верховного Суда РФ от 02.02.2021 № 306-ЭС21-898 по делу № А72-9757/2016 // СПС КонсультантПлюс.

тельности сторон, не вправе принимать на себя выполнение процессуальных функций сторон спора, не вправе своими действиями ставить какую-либо из сторон в преимущественное положение, равно как и умалять права одной из сторон.

Можно сделать вывод: в случае если одна из сторон находится по оценке суда в преимущественном положении, суд может своими действиями компенсировать это состояние второй стороны, обеспечив баланс состязательности и равенства прав участников процесса, как следствие соблюдение конституционного принципа доступности судебной защиты.

Активная позиция суда проявляется при реализации правового принципа эстоппель, когда суд отклоняет новые требования, если из действий стороны следует, что спор полностью завершен либо поведение истца непоследовательно или заведомо недобросовестно, а также в случае предъявления истцом дополнительных требований, если спор уже принят к производству.

Также Постановление № 46 прямо предусматривает, что арбитражный суд, установив, что представленных доказательств недостаточно для рассмотрения дела по существу, вправе предложить сторонам представить дополнительные доказательства. То есть суд может прямо указать на недостающие для разрешения спора доказательства. Таким образом, происходит некоторое смещение нейтральной и активной роли арбитражного суда, когда обязанность по доказыванию возлагается на стороны, вместе с тем допускается и активность суда в установлении фактических обстоятельств дела.

Таким образом, на основании изложенного стоит отметить, что происходит некоторое смещение нейтральной и активной роли арбитражного суда, когда обязанность по доказыванию возлагается на стороны, вместе с тем допускается и активность суда в установлении фактических обстоятельств дела. И это уже трансформирует принцип состязательности не только как проявление активности сторон в процессе и их ответственности за процессуальное

бездействие, но и как достижение баланса ролей сторон действиями суда по руководству процессом.

И.В. Рехтина

СТАНДАРТ ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Еще в 1960-х гг. профессор Виктор Нифионович Щеглов писал о гражданском процессуальном отношении как о едином правоотношении, исключая двойственные, параллельные процессуальные отношения, возникновение и наличие которых противоречит цели судебной защиты нарушенных прав и охраняемых законом интересов, сущности и природе процессуального отношения¹⁸. Именно в этом аспекте используется в современном судебном процессе механизм *lis pendens*.

Конструкция *lis pendens*, как средство пресечения параллельных судебных процессов и предупреждения предъявления дублирующих (тождественных) исков¹⁹, является менее разработанной в науке гражданского процессуального права по сравнению с механизмами *estoppel u res judicata*. Еще более малочисленны исследования правила *lis pendens* применительно к правовой определенности гражданского судопроизводства.

---

¹⁸ См.: Щеглов В.Н. Гражданское процессуальное правоотношение. М., 1966. С. 14–16.

¹⁹ О различных концепциях *lis pendens* и параллельных судебных процессах см.: Гетьман-Павлова И.В., Филатова М.А. Принцип *lis pendens* в международном гражданском процессе: проблемы идентичности исков и сторон // Вестник гражданского процесса. 2018. № 2. С. 239–263; Филимоненко А.А. Принцип *lis pendens* как средство борьбы с параллельными процессами: взгляд сквозь призму опыта Европейского союза // Закон. 2019. № 10. С. 137–147.

Вместе с тем, как отмечают ученые, в исследованиях принципа *lis pendens* и параллельных судебных процессов заложен большой исследовательский потенциал²⁰, способный обеспечить надлежащий режим правовой определенности и гарантировать соблюдение стандарта правовой определенности.

Анализируя существующее многообразие определений понятия *lis pendens* и выдвигаемые учеными аргументы, присоединяемся к позиции И.В. Гетьман-Павловой и М.А. Филатовой, что *lis pendens* является инструментом для предупреждения дублирующих (или совпадающих) исков²¹. Аналогичного мнения придерживается А.А. Филимоненко, правомерно определяя *lis pendens* в качестве средства разрешения конфликта юрисдикций²².

Lis pendens имеет процессуальную природу, и наиболее целесообразно при его анализе исходить из трактовки, что *lis pendens* есть средство предупреждения и пресечения дублирующих процессов, рассмотрения тождественных (одинаковых) исков, вынесения множественных и противоречивых судебных решений. Цель правила *lis pendens* заключена в создании условий, способных гарантировать и обеспечить режим правовой определенности судебного разбирательства и судебных актов, при которых исключены двойная юрисдикция, параллельные процессы, коллизионность в порядке рассмотрения споров, противоречия в принятых окончательных решениях.

Конструкция *lis pendens* разрабатывается преимущественно в континентальном праве (Civil Law), хотя многие ученые заявляют об универсальности данного правила, а практика свидетельствует о применении данной конструкции в системе Common Law. Разный

---

²⁰ См.: Кох Х., Магнус У., Винклер фон Меренфельд П. Международное частное право и сравнительное правоведение. М., 2001; Conley A. Harmonizing Jurisdiction in Transnational Cases: A “Deep” Comparative Inquiry. Montreal, 2011.

²¹ См.: Гетьман-Павлова И.В., Филатова М.А. Принцип *lis pendens* в международном гражданском процессе. С. 239–263.

²² См.: Филимоненко А.А. Принцип *lis pendens* как средство борьбы с параллельными процессами: взгляд сквозь призму опыта Европейского союза // Закон. 2019. № 10. С. 137–147.

подход к *lis pendens* и параллельным процессам обусловлен методологией стран общего и континентального права. Англосаксонская система в некоторых случаях в целях достижения наиболее справедливого решения допускает возникновение параллельного процесса с учетом обстоятельств дела, а романо-германская система, исходя из формально-юридического подхода, категорически «нет»²³.

По утверждению Т. Крюгера, правило *lis pendens* является в некотором смысле механическим (или схематичным), поскольку нивелируется значение, какой именно суд рассмотрел дело, поскольку решение по итогам рассмотрения должно быть аналогичным или примерно совпадающим²⁴. Гарантии *lis pendens* закреплены в Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 4 Протокола № 7) и толкуются Европейским Судом по правам человека как запрет на дублированные дела и наказания.

Так, в Постановлении ЕСПЧ от 21.10.2014 по делу «Шибендра Дев (Shibendra Dev) против Швеции» (жалоба № 7362/10) подчеркивается установленный во внутригосударственном праве более высокий уровень гарантий соблюдения правила *lis pendens*. ЕСПЧ указывает, что Верховный суд Швеции не остановился на буквальном прочтении статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции, но, опираясь на правовую традицию Швеции, решил распространить запрет на дублированные дела и наказания на ситуации *lis pendens*, таким образом, предлагая, против ожидания, большую защиту, чем предлагалось статьей 4 Протокола № 7 к Конвенции²⁵.

---

²³ См.: Сюрмеев К.Е. Трансграничные коммерческие споры: формально-юридический и прагматический подходы к решению проблемы параллельных разбирательств // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. № 3. С. 50–62.

²⁴ См.: Kruger Th. Civil Jurisdiction rules of the EU and their impact on third states. Oxford university press, 2008. P. 259.

²⁵ См.: Постановление ЕСПЧ от 21.10.2014 по делу «Шибендра Дев (Shibendra Dev) против Швеции» (жалоба № 7362/10) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 2.

В деле «Макилрот (McIlwrath) против Российской Федерации» (жалоба № 60393/13, Постановление от 18.07.2017) при отказе российским судом в удовлетворении ходатайства об исполнении решения Трибунала Флоренции от 18 сентября 2012 г. Европейский Суд тщательно проверял доводы заявителя относительно того, существовал ли договор, связывавший Российскую Федерацию и Италию, был ли соблюден заявителем порядок подачи ходатайства об исполнении решения иностранного суда, было ли ходатайство дополнено всеми необходимыми документами, был ли соблюден принцип *lis alibi pendens*, угрожало ли исполнение решения иностранного суда суверенитету, безопасности и публичному порядку Российской Федерации, были ли стороны уведомлены о времени и месте проведения судебного разбирательства за рубежом, и другие формальные критерии²⁶.

Правило *lis pendens* активно используется в практике Европейского Союза, где в ст. 21 Брюссельской конвенции 1968 г. закреплён принцип *lis pendens*, конкретизированный в Регламенте от 22.12.2000 г. № 44/2001²⁷ и в новом Регламенте от 12.12.2012 г. № 1215/2012²⁸.

---

²⁶ См.: Постановление ЕСПЧ от 18.07.2017 «Дело «Макилрот (McIlwrath) против Российской Федерации» (жалоба № 60393/13) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2018. № 6.

²⁷ Регламент № 44/2001 Совета Европейского Союза «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам» [рус., англ.] (Принят в г. Брюсселе 22.12.2000) (с изм. и доп. от 06.04.2009). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=48647#07311304822446301>

²⁸ Регламент № 1215/2012 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам (в новой редакции)» [рус., англ.] (Принят в г. Страсбурге 12.12.2012) (с изм. и доп. от 26.11.2014). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?rnd=88229487173DDCD6847F5BB2146863BE&req=doc&base=INT&n=60717&dst=100528&fld=134&REFFIELD=3&REFDST=1&REFDOC=48647&REFBASE=INT&stat=refcode%3D16876%3Bdstident%3D100528%3Bindex%3D4#eqonekqfgnk>

В рамках Брюссельского соглашения данный принцип преимущественно применяется к сфере международного гражданского процесса и международных юрисдикций, обеспечивая правовую определенность судопроизводства, блокируя новое разбирательство, если тот же спор между теми же сторонами уже рассматривается²⁹. Суд, в который предъявлен иск позднее, должен признать отсутствие своей юрисдикции и применить соответствующие последствия.

Европейская практика в отношении данного принципа прошла некоторый путь переосмысления механизмов применения *lis pendens* и с учетом своего опыта разрешения споров выработала собственные правила и принципы применения *lis pendens*³⁰.

При этом Суд ЕС подчеркивает, что в контексте Брюссельской конвенции и положений ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод правило *lis pendens* следует толковать как основанное на доверии между договаривающимися государствами к правовым и судебным системам друг друга. В связи с чем формируемый Брюссельской конвенцией порядок обеспечивает правовую определенность, позволяя заранее и с достаточной точностью предвидеть компетентный суд, полномочный рассматривать спор, в том числе при наличии соглашения сторон³¹.

Правило *lis pendens* используется в российском судопроизводстве, но наиболее распространено в арбитражном процессе, поскольку именно здесь чаще возникают вопросы конкуренции юрисдикций иностранных судов и арбитражных судов Российской

---

²⁹ См.: Schutze R.A. *Lis Pendens and Related Actions* // *European Journal of Law Reform*. 2002. Vol. 4, Is. 1. P. 57.

³⁰ Более подробно о феномене «итальянской торпеды» и Решении Суда ЕС по делу австрийской компании Gasser см.: Филимоненко А.А. Принцип *lis pendens* как средство борьбы с параллельными процессами: взгляд сквозь призму опыта Европейского союза // *Закон*. 2019. № 10. С. 137–147.

³¹ См.: ECJ Case C-116/02. *Erich gasser GmbH v. MISAT Srl*. [2003] ECR, I-14693.

Федерации, а также конкуренция юрисдикций арбитражей (третейских судов) и Арбитражного суда РФ³².

По мнению исследователей, нормы АПК РФ (ст. 248, 249, 252 и др.) в недостаточной степени конкретны в установлении правила *lis pendens* при наличии соглашения сторон (пророгационного соглашения) и последствиях его применения³³. Представляется, что отчасти данное обстоятельство обусловлено отсутствием модели правовой определенности гражданского судопроизводства, которую национальная судебная система России нацелена формировать. В связи с чем при схожих или даже идентичных обстоятельствах спора суд применяет *lis pendens* по разным правилам, что влечет разные последствия его применения.

Так, в практике Арбитражного суда имеются споры, связанные с применением *lis pendens*, когда арбитражный суд на основании ст. 148, 248, 249, 252 АПК РФ, несмотря на наличие между сторонами пророгационного соглашения, которое суд исследует и оценивает на предмет действительности и законности, однако оставляет заявление без рассмотрения³⁴.

На законодательном уровне должен устанавливаться, а высшими судебными инстанциями поддерживаться такой подход к авто-

---

³² См. например: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 8.

³³ См.: Лобода А.И. Толкование арбитражного соглашения в праве России // Третейский суд. 2019. № 1/2. С. 179–201; Мохова Е.В. Трансграничный оборот судебных решений в свете проекта новой глобальной конвенции // Закон. 2019. № 5. С. 181–192; Филимоненко А.А. Принцип *lis pendens* как средство борьбы с параллельными процессами. С. 137–147.

³⁴ См.: Определение ВАС РФ от 06.05.2013 № ВАС-2572/13 по делу № А27-7409/2011. Дело передано в Президиум ВАС РФ, поскольку арбитражная оговорка является исполнимой и при отсутствии доказательств ее недействительности исковое заявление общества подлежало оставлению без рассмотрения. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=1EA075E28A9D5F241443076D80E3443C&SORTTYPE=0&BASENODE=g2&ts=31576629607109184242155133&base=ARB&n=332417&rnd=B72877AD84A5CC481714660B8F4D56DD#28q2lgvdid9>

номии воли участников спора, при котором не оспаривается ее авторитет в соглашениях о подсудности³⁵. Именно к этому призывает Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом»³⁶ и Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 09.07.2013 № 158³⁷. Однако судебная практика изобилует противоположными примерами.

Так, Определением Арбитражного суда Московского округа от 24.09.2018 г. оставлено без изменения определение суда, которым исковое заявление оставлено без рассмотрения, поскольку установлены тождественность настоящего иска и иска в Верховном Суде штата Нью-Йорк, возбуждение производства по настоящему делу позднее возбуждения производства в Верховном Суде штата Нью-Йорк, отсутствие исключительной компетенции Арбитраж-

---

³⁵ См.: Сюрмеев К.Е. Трансграничные коммерческие споры: формально-юридический и прагматический подходы к решению проблемы параллельных разбирательств // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. № 3. С. 50–62; Филимонов А.А. Принцип *lis pendens* как средство борьбы с параллельными процессами. С. 137–147. См. также: Определение Верховного Суда РФ от 26.06.2017 № 307-ЭС17-7123 по делу № А56-84736/2015. URL:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=1EA075E28A9D5F241443076D80E3443C&SORTTYPE=0&BASENODE=ARB002&ts=31576629607109184242155133&base=ARB&n=504426&rnd=B72877AD84A5CC481714660B8F4D56DD#1insetb0c85c>

³⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 8.

³⁷ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 09.07.2013 № 158 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел с участием иностранных лиц». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=1EA075E28A9D5F241443076D80E3443C&SORTTYPE=0&BASENODE=g2&ts=31576629607109184242155133&base=ARB&n=344230&rnd=B72877AD84A5CC481714660B8F4D56DD#1ggn89vfg0s>

ного суда РФ в соответствии со ст. 248 АПК РФ по рассмотрению настоящего спора³⁸.

Конструкция *lis pendens* в современных условиях должна использоваться в рамках национальной судебной системы и национального режима правовой определенности, и не только для исключения параллельных процессов в рамках национального судопроизводства и производства в иностранном суде, но и на внутригосударственном уровне, в рамках различных видов судопроизводств и альтернативной юрисдикции.

В этом аспекте интересен подход Арбитражного суда РФ, связанный с оценкой заключенного сторонами медиативного соглашения, которое по своей правовой природе является соглашением о юрисдикции между судом и альтернативной процедурой разрешения спора и транслирует волю сторон на рассмотрение возникшего конфликта с участием посредника (медиатора)³⁹.

Очевидно, что наличие соглашения об обращении к процедуре медиации, выражающего взаимную волю сторон, должно вести к невозможности рассмотрения спора в государственном суде, иначе искажается сама суть данного соглашения о юрисдикции. Соответственно, сторона, чей спор в противоречие с данным соглашением принимает суд, имеет право воспользоваться *lis pendens* и возразить относительно рассмотрения спора судом, что должно влечь вынесение определения суда об оставлении заявления без рассмотрения.

---

³⁸ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.09.2018 № Ф05-16522/2018 по делу № А40-100218/17. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=1EA075E28A9D5F241443076D80E3443C&SORTTYPE=0&BASENODE=24&ts=31576629607109184242155133&base=AMS&n=303995&dst=100040&rnd=B72877AD84A5CC481714660B8F4D56DD#4g9va7j9fm>

³⁹ См.: Аболонин В.О. Судебная медиация: теория, практика, перспективы. М., 2014. Кн. 6. 408 с.; Шеменова О.Н. Роль соглашений сторон в гражданском судопроизводстве. М., 2017. 312 с.; Шеменова О.Н. Критерии разграничения гражданско-правовых договоров и процессуальных соглашений // Журнал российского права. 2019. № 4. С. 61–68.

Однако недостаточно определенная и «размытая» формулировка ч. 1 ст. 4 Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»⁴⁰: «в случае, если стороны заключили соглашение о применении процедуры медиации и в течение оговоренного для ее проведения срока обязались не обращаться в суд или третейский суд для разрешения спора, который возник или может возникнуть между сторонами, суд или третейский суд признает силу этого обязательства до тех пор, пока условия этого обязательства не будут выполнены, *за исключением случая, если одной из сторон необходимо, по ее мнению, защитить свои права*», позволяет участникам спора злоупотреблять правом, своевольно изменять подведомственность спора, игнорировать соглашение об обращении к процедуре медиации и предъявлять иски в суд⁴¹.

Данное обстоятельство существенным образом нивелирует юридическую силу как соглашения о процедуре медиации (соглашения о юрисдикции спора), так и итогового медиативного соглашения (гражданско-правового договора).

Так, Определением Верховного Суда РФ от 11.04.2019 № 302-ЭС19-3926 по делу № А33-4382/2018 отказано в передаче дела в Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, поскольку суды исходили из отсутствия оснований для понуждения ответчика в судебном порядке к заключению договора, так как особенность медиативного соглашения состоит в том, что стороны добровольно принимают на себя обязательства и соглашаются выполнять условия такого соглашения. Но поскольку между сторонами

---

⁴⁰ Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=103038-0&rnd=EEC86B9C6701813EC94D4F69F08809A1&req=doc&base=LAW&n=330191&REFDOC=103038&REFBASE=LAW#1zqp3ndlqbo>

⁴¹ Более подробно об особенностях медиации в Российской Федерации см.: Рехтина И.В. Медиация в России как альтернативный способ разрешения споров и элемент интеграции в Европейское сообщество // Юрист. 2012. № 11. С. 40–43.

возникли разногласия по поводу порядка исполнения соглашения и ответчик отказался от медиативного соглашения, то отсутствуют основания для понуждения к исполнению медиативного соглашения⁴².

В другом случае Постановлением Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 28.02.2019 № Ф02-376/2019 по делу № А33-9996/2018 в требовании об обязанности заключить договоры купли-продажи долей в уставном капитале общества отказано, так как медиативное соглашение, фактически направленное на урегулирование отношений сторон в рамках дела о банкротстве истца, будучи не утвержденным судом в качестве мирового соглашения, не порождает для его сторон гражданско-правовых обязательств, в данном случае – обязательства по заключению ответчиками договора купли-продажи долей в уставном капитале общества⁴³.

Данный подход относительно оценки судом соглашения о проведении процедуры медиации следует оценить критически, поскольку правовая природа данного акта схожа с третейскими соглашениями (пророгационным соглашением или оговоркой), в котором лица изъявляют свою автономную волю относительно компетентного органа, которому доверяют рассмотрение спора. Не оспорим тот факт, что для регулирования одностипных отношений и ситуаций должны использоваться одностипные (аналогичные) правила и механизмы. В связи с чем последствия заключения соглашения о медиации должны быть аналогичны тем правилам,

---

⁴² См.: Определение Верховного Суда РФ от 11.04.2019 № 302-ЭС19-3926 по делу № А33-4382/2018. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=D82D7430835E762F4CD665E50B877411&SORTTYPE=0&BASENODE=g1&ts=1275393594034840390909347474&base=ARB&n=579162&rnd=EEC86B9C6701813EC94D4F69F08809A1#24qp4excooh>

⁴³ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 28.02.2019 № Ф02-376/2019 по делу № А33-9996/2018. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=4FAA8B64BB699FBDD20B8EAEF703696F&SORTTYPE=0&BASENODE=30&ts=1275393594034840390909347474&base=AVS&n=102927&rnd=EEC86B9C6701813EC94D4F69F08809A1#6hbjhno0nh>

которые установлены в отношении третейских соглашений, а именно: суд оставляет заявление без рассмотрения, если любая из сторон не позднее дня представления своего первого заявления по существу спора в суде первой инстанции заявит по этому основанию возражение в отношении рассмотрения дела в суде, за исключением случаев, если суд установит, что это соглашение недействительно, утратило силу или не может быть исполнено⁴⁴.

Таким образом, целесообразно в отношении применения последствий заключения соглашения о медиации применять конструкцию *lis pendens* и последствия, установленные в отношении третейских соглашений. С учетом сказанного необходимо дополнить ст. 148 АПК РФ, ст. 222 ГПК РФ следующим положением: «...имеется соглашение сторон о рассмотрении указанного спора третейским судом *или медиатором*, при условии, что любая из сторон не позднее дня представления своего первого заявления по существу спора в суде первой инстанции заявит по этому основанию возражение в отношении рассмотрения дела в суде. Это основание для оставления заявления без рассмотрения не применяется, если суд установит, что соглашение сторон о рассмотрении указанного спора третейским судом *или медиатором* недействительно, утратило силу или не может быть исполнено...».

Для формирования надлежащего режима правовой определенности необходимо исключить возникновение параллельных процессов, а также блокировать рассмотрение тождественных споров в двух юрисдикциях. В связи с чем должны быть исключены ситуации «двойной» подведомственности (подсудности), конкуренция

---

⁴⁴ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.09.2017 № Ф05-13389/2017 по делу № А41-21122/2017. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=1EA075E28A9D5F241443076D80E3443C&SORTTYPE=0&BASENODE=24&ts=31576629607109184242155133&base=AMS&n=275900&dst=100042&rnd=B72877AD84A5CC481714660B8F4D56DD#v4kija79i7>

юрисдикций, коллизии подведомственности, которые пока существуют в действующем процессуальном законодательстве⁴⁵.

Ярким примером подобной двойной подсудности судов общей юрисдикции и арбитражных судов являются корпоративные споры с участием руководителя организации, которые в практике национальных судов рассматриваются арбитражными судами и судами общей юрисдикции, чем провоцируют существование параллельных процессов и противоречат правилу *lis pendens*⁴⁶. По этой причине нормы АПК РФ и ГПК РФ по вопросам компетенции судов по рассмотрению споров с участием руководителя организации нуждаются в законодательной корректировке⁴⁷.

---

⁴⁵ См.: Яркв В.В. Изменение правил разграничения предметов ведения между судами: новые слова и/или новые решения? // Закон. 2019. № 4. С. 92–103; Банников И.А. Компетентный суд: соотношение правовых институтов подведомственности и подсудности с принципом осуществления правосудия только судом // Российская юстиция. 2017. № 9. С. 58–60; Раздьяконов Е.С. Разграничение компетенции арбитражных судов и судов общей юрисдикции по корпоративным спорам // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 7. С. 38–41; Рехтина И.В. Арбитражный суд и корпоративные споры: коллизии подведомственности // Современное право. 2011. № 11. С. 127–129.

⁴⁶ См.: Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 апреля 2013 г. № ВАС-4753/13. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=178756007701040992944969934&cacheid=60FCF25204C0C480A97BB6FAB4BA8248&mode=splus&base=ARB&n=330002&rnd=9D44A22CC3727E9B70DD678447750D49#1pyzgniol0t>; Определение Верховного Суда РФ от 15.06.2018 г. № 304-ЭС18-9250. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=178756007701040992944969934&cacheid=11BBEB3498D175AA013BE8528CFE9EC8&mode=splus&base=ARB&n=542693&rnd=9D44A22CC3727E9B70DD678447750D49#1hod9q5h9hs>; Апелляционное определение Московского городского суда от 14.05.2013 г. № 11-10975. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=178756007701040992944969934&cacheid=95430453CA227D294B097EC891F1250D&mode=splus&base=SOCN&n=307177&rnd=9D44A22CC3727E9B70DD678447750D49#1sh778vgy1s>

⁴⁷ Более подробно об этом см.: Прасолова И.А., Рехтина И.В. Компетенция судов по рассмотрению споров с участием руководителя организации // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 6. С. 32–36.

ПРЕИМУЩЕСТВА СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Привлекательность судебной защиты прочно стоит на основе её несомненных преимуществ. Тем не менее периодически российский законодатель пытается решить проблему судебной нагрузки, внедряя законодательство об альтернативных способах разрешения споров, пропагандируя различные примирительные процедуры. Так, начиная с 1990-х гг. развивалось законодательство о третейских судах, которые активно рекламировались как эффективный, быстрый и недорогой способ справиться со спорной ситуацией. Были приняты такие акты, как Постановление Верховного Совета РФ от 24.06.1992 г. № 3115-1 «Об утверждении Временного положения о третейском суде для разрешения экономических споров»⁴⁸, его сменил Федеральный закон от 24.07.2002 г. № 102 «О третейских судах в Российской Федерации»⁴⁹, в настоящее время действует Федеральный закон от 29.12.2015 № 382 «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации».⁵⁰ В 2010-х гг. активно внедрялась медиация, был принят специальный закон – Федеральный закон от 27.07.2010 № 193 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»⁵¹. Серьезной коррекции были подвергнуты нормы ГПК в части примирительных процедур: законом № 197 от 26.07.2019 была введена специальная глава – 14.1 «Примирительные процедуры. Мирное соглашение», соответствующая по названию и содержанию главе 15 АПК.

---

⁴⁸ Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 30. Ст. 1790.

⁴⁹ Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3019.

⁵⁰ Доступ: СПС КонсультантПлюс.

⁵¹ СПС КонсультантПлюс.

В то же время, несмотря на такую активную законодательную и просветительскую деятельность, успехи альтернативных процедур весьма скромны, а интерес именно к судебной защите не снижается. В чем здесь причина? На наш взгляд, таких причин несколько.

Первая причина: сама направленность судебной защиты состоит в том, что защиту получают обе стороны. Лицо, привлеченное в качестве ответчика, может не опасаться нарушения своих прав. Эту особенность в свое время хорошо разъяснил В.Н. Щеглов: у суда с момента возбуждения гражданского дела появляются две обязанности: «процессуальная – рассмотреть дело и вынести решение и охранительная – удовлетворить иск и защитить тем самым право (интерес) истца, если оно нарушено или оспорено, или отклонить иск, защитив таким образом право (интерес) ответчика, или частично удовлетворить иск, защитив в какой-то части право (интерес) и истца, и ответчика»⁵².

Вторая причина: судебная защита прав и свобод гарантируется государством (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ) и получение решения влечет его исполнение государственными органами. Европейский Суд по правам человека, Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно высказывались в пользу такого понимания «судебной защиты», которое включает в себя не только рассмотрение и разрешение дела, но и полное, окончательное исполнение присужденного по решению суда. Подобный подход в настоящее время является общепризнанным.

Еще несколько причин предпочтения судебной защиты называет И.В. Решетникова, анализируя причины настороженности юристов в отношении медиации. Она замечает, что привлекательные черты медиации – скорость рассмотрения и дешевизна – в России не работают. Это проявляется в следующем: подход к досудебным

---

⁵² Щеглов В.Н. Вопросы теории гражданского процесса в свете нового законодательства // Вопросы теории и практики гражданско-правового регулирования. Томск, 1985. С. 16–17.

стадиям не позволяет при подготовке дела спрогнозировать его результат и оценить привлекательность именно мирового соглашения по делу; желание российских участников «экономить» и не делать вложений в судопроизводство (граждане участвуют без представителя, а организации посылают в суд юриста предприятия, действующего на основании трудового договора); особенность менталитета российского населения, когда суд рассматривается как орган, куда нужно просто обратиться, и он сам всё решит за стороны⁵³.

В качестве еще одного довода в пользу преимуществ судебной защиты можно назвать четкость процессуальных правил, наличие кодифицированного законодательства, на основании которого происходит рассмотрение дел. Но ценят ли сами стороны это явное преимущество? Насколько привлекательна для них в современных условиях развернутая процедура состязательного судопроизводства?

Стороны вправе рассчитывать на то, что в состязательном процессе их выслушают, услышат, оценят их доводы. Этим самым они смогут убедить суд в своей правоте и выиграть дело.

В.Н. Щеглов писал: «Состязание представляет собой не форму судопроизводства, а его суть: при отсутствии процессуальной борьбы сторон надобность в правосудии отпадает»⁵⁴.

Г.А. Жилин еще недавно отмечал, что судебную защиту нельзя сводить лишь к *благоприятному результату разрешения спора* в отношении того или иного субъекта судопроизводства. Наличие подлежащего защите права нужно доказать в условиях состязательного процесса, в котором участники переданного на разрешение суда спора наделяются комплексом процессуальных прав, со-

---

⁵³ Решетникова И.В. Размышляя о судопроизводстве. М., 2019. С. 469–472.

⁵⁴ Щеглов В.Н. Вопросы совершенствования состязательного начала гражданского судопроизводства // Проблемы совершенствования гражданско-правового регулирования. Томск, 1987. С. 271.

ставляющих содержание их субъективного права на судебную защиту¹.

В настоящее время складывается интересная, если не сказать парадоксальная ситуация: стороны предпочитают обращение в суд обращению к альтернативным способам разрешения своего спора, но при этом само состязательное судопроизводство не очень востребовано ни законодателем, ни самими участниками. Для последних, как видится, главным при обращении в суд является полученная «бумага с печатью» (судебное решение, судебный приказ), которую можно предъявить к исполнению.

Более 80% дел в судах общей юрисдикции рассматриваются в приказном производстве или в упрощенном порядке². Действующее законодательство, с целью сокращения нагрузки на судей, поощряет различные упрощенные процедуры, в частности, отдает приоритет приказному производству перед традиционным исковым, запретив выбирать между этими двумя видами производств и установив в качестве одного из оснований для возвращения искового заявления принадлежность требований к рассматриваемым в порядке приказного производства (п. 1.1 ч. 1 ст. 135 ГПК; п. 2.1 ч. 1 ст. 129 АПК). Но самое главное состоит в том, что сами стороны отнюдь не стремятся именно к развернутому состязательному процессу. Письменные процедуры, отсутствие необходимости являться в суд их вполне устраивают.

Таким образом, главной причиной популярности судебной защиты является не совершенство и привлекательность процессуальной формы рассмотрения дела, а получение решения, «государ-

---

¹ Жилин Г.А. О праве на судебную защиту при определении гражданских прав и обязанностей // Проблемы иска и исковой формы защиты нарушенных прав. Краснодар, 2006. С. 9.

² См., например: URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/
http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/Obzor_sudebnoy_statistiki_o_deyatelnosti_federalnih_sudov_obshchey_yurisdiksii_i_mirovih_sudey_v_2019_godu.pdf

ственной гарантии» действительности результата и возможности исполнения закрепленного в решении. Абсолютно справедлива приведенная выше оценка И.В. Решетниковой менталитета российских граждан, по мнению которых суд должен сам всё (и без них самих) решить, а от граждан требуется просто обратиться в этот суд. Поэтому стороны соглашаются и с приказным, и с упрощенным производством, им не важно, как получен результат, главное – его наличие. В то же время, хотя, по их мнению, судебная защита может быть упрощенной и сокращенной, обращение в суд все же предпочтительнее иных форм разрешения споров. Судебную защиту они все же рассматривают именно как благоприятный *результат* разрешения спора. То, что по правилам процессуальной формы располагается между обращением в суд и получением положительного решения, желательно пропустить.

Е.И. Тимофеев

РЕЖИМ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМ РЕАЛИЗАЦИИ

История гражданского процессуального права – это история выбора оптимального баланса и сочетания между наиболее широким и наименее ресурсозатратным рассмотрением гражданских дел с целью их правильного разрешения. Такой баланс достигается путем расширения и сужения судебных процедур и полномочий субъектов в процессе.

Инструментом для таких изменений служат прежде всего правовые режимы, определяемые политикой государства в зависимости от возможности и необходимости обеспечения правильности, полноты и своевременности процесса рассмотрения и разрешения определенных юридических дел судебной системой. Правовой ре-

жим – это особый порядок правового регулирования общественных отношений, основанный на определенном сочетании правовых средств, гарантий и принципов, создающий благоприятные (неблагоприятные) условия для удовлетворения интересов субъектов права и направленный на достижение оптимального социально значимого результата¹.

Гражданское процессуальное право имеет самостоятельный отраслевой режим, который образуется и во многом опосредуется специальными режимами отрасли на определенном этапе исторического развития. Среди таких режимов – Устав гражданского судопроизводства Российской империи, который предусматривал, например, сокращенное судопроизводство, предполагавшее упрощение процедуры обмена письменными документами на стадии подготовки, особые сроки явки в суд сторон, а также назначения судебного заседания².

Первым советским Гражданским процессуальным кодексом РСФСР 1923 г. был введен в действие приказной режим производства в рамках особого производства³. Большинство дел особого производства, в том числе тех, по которым в то время выдавался судебный приказ, перешли в ведение нотариата в 1928 г., что является показательным с точки зрения режимного регулирования⁴. Переход категории юридического дела из ведения одного органа в ведение другого и, соответственно, изменение порядка его рас-

---

¹ Беляева Г.С. Правовой режим: общетеоретическое исследование : дис. ... докт. юрид. наук. Курск, 2013. С. 70.

² Судебные уставы Российской империи (в сфере гражданской юрисдикции): Устав гражданского судопроизводства. Учреждение Коммерческих судов и Устав их судопроизводства. Устав гражданского судопроизводства губерний Царства Польского. Волостной судебный устав Прибалтийских губерний. М., 2018. С. 99–100.

³ Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 10 июля 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. № 46–47. Ст. 478 (утратил силу).

⁴ Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 9 июля 1928 г. «Об исключении из Гражданского процессуального кодекса РСФСР главы XXIV и об изменении статьи 22, примечания к статье 82 и статей 187, 187-б, 191, 255 и 266» // СУ РСФСР. 1928. № 93. Ст. 603 (утратило силу).

смотрения и разрешения всегда влекут смену режима соответствующего правового института.

Гражданский процессуальный кодекс 1964 г. трансформировал и расширил режим особого производства⁵. С принятием действующего Гражданского процессуального кодекса был возвращен и расширен режим приказного производства. Кроме того, вслед за арбитражным процессуальным законодательством был введен в действие режим упрощенного производства, показавший свою эффективность через сужение процессуального участия лиц и снижение нагрузки на судебную систему⁶.

Отличительным признаком режима гражданского процессуального права, по сравнению с процедурными отношениями иного порядка, является установление порядка регулирования наиболее сложных и спорных дел. При этом режим гражданского процессуального права в определенное время может быть охарактеризован как благоприятный для наиболее широкого и полного рассмотрения дел, защиты прав граждан и реализации правового статуса участников процесса либо как менее благоприятный, что предполагает соответствующие затраты временных, финансовых и административных ресурсов. В этой связи общей целью режима гражданского процессуального права является создание оптимального порядка правового регулирования осуществления правосудия по наиболее сложным, как правило, спорным, юридическим делам для обеспечения правильного их рассмотрения и разрешения.

Процессуальный режим определяется правовой политикой государства и общими ее тенденциями. На сегодняшний день положительную оценку заслуживают режимы упрощения и ускорения производства – приказного, упрощенного производства, благопри-

---

⁵ Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407 (утратил силу).

⁶ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

яствования примирению. Данные институты гражданского процессуального права отвечают общим тенденциям развития отрасли, вызванным высокой нагрузкой судов.

При этом, как отмечал профессор Виктор Никифорович Щеглов, гражданское процессуальное законодательство, служащее реализации определенных целей, этим целям должно подчинять все производство по гражданскому делу, его структуру и функционирование субъектов⁷. В то же время, вопреки общей направленности режима гражданского процессуального права на сужение процессуальных форм и процедур, наблюдаются тенденции создания режимов, ведущих к их расширению, вопреки интересам процессуальной экономии и дисциплины.

Так, на сегодняшний день свое развитие находят институты участия специальных уполномоченных органов в процессе. Среди таких лиц можно выделить уполномоченных по защите прав человека в административном процессе⁸, уполномоченных по защите прав предпринимателей в арбитражном процессе⁹. Расширение участия данных должностных лиц в гражданском процессе противоречит его сущности. В правоприменительной практике судов встречаются случаи необоснованного привлечения региональных бизнес-омбудсменов к участию в деле в качестве процессуальных истцов по спорам между частными субъектами, что выходит за пределы полномочий данных

---

⁷ Щеглов В.Н. К вопросу о функциях в гражданском судопроизводстве // Актуальные проблемы государства и права в современный период : сб. ст. Томск, 1981. С. 102.

⁸ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации : федеральный закон от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

⁹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

должностных лиц¹. Кроме того, указанные лица реализуют свою свою компетенцию в спорах между частными субъектами в качестве третьих лиц².

В результате создания сложной многостадийной системы обжалования судебных актов, предполагающей наличие пяти судебных инстанций, было образовано пять самостоятельных режимов – стадий гражданского процесса, четыре из которых построены по типу режимов-изъятий. Помимо этого, в цивилистическом процессе необоснованно расширены полномочия Председателя Верховного Суда Российской Федерации и его заместителей. Такая ситуация ведет к излишнему расширению отраслевых процессуальных режимов и негативно сказывается на судебной системе вопреки критерию оптимальности режима.

Подводя итог, необходимо отметить, что режимное правовое регулирование должно быть сбалансированным и вести к реализации поставленных целей. Расширение судебных процедур в приведенных случаях увеличивает служебную нагрузку уполномоченных субъектов в условиях необходимости ее сужения, что ведет к нарушению принципа правовой определенности³. Более того, данные институты не ведут к повышению эффективности судебной деятельности⁴. Отсюда возникает ситуация, при которой траты административных ресурсов судебной системы не оптимальны и не соотносимы с полученным процессуальным результатом. В

---

¹ Аничкин Е.С., Тимофеев Е.И., Пинчук А.П. Правовое регулирование участия в цивилистическом процессе уполномоченных по защите прав предпринимателей субъектов Российской Федерации: некоторые спорные вопросы // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 4. С. 84–85.

² Определение Арбитражного суда Республики Тыва от 02.04.2019 по делу № А69-431/2019. URL: <http://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 11.02.2022); Определение Арбитражного суда Алтайского края от 27.04.2021 по делу № А03-5645/2021. URL: <http://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 11.02.2022).

³ Рехтина И.В. Правовая определенность в гражданском судопроизводстве Российской Федерации. М., 2021. С. 154–155.

⁴ Решение Арбитражного суда Алтайского края от 17.03.2021 по делу № А03-14304/2020. URL: <http://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 11.02.2022).

этой связи в целях оптимизации режима гражданского процессуального права необходимо проведение специальных исследований категории процессуального режима, области его применения, целей, средств реализации и результатов действия.

Е.С. Трезубов

ЗАКОННАЯ СИЛА СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ ПО ГРУППОВЫМ ИСКАМ

Институт рассмотрения группового иска призван служить эффективным средством рассмотрения требований о защите значительной группы истцов. Эффективность данного института продиктована его особой публично-правовой целью – справедливым и единообразным разрешением массовых однородных требований с обеспечением правовой определенности, недопущением «местечкового» правосудия. Требования множества истцов к одному ответчику, основанные на однородных юридико-фактических обстоятельствах, разрешаются единообразно, одним судом, в одном судебном процессе. Прошедшая в 2019 г. реформа группового производства в России¹ привела к появлению в целом унифицированных правил рассмотрения требований о защите прав значительной группы кредиторов в однородных правоотношениях как в гражданском, так и в арбитражном процессе. Между тем отечественная процессуальная традиция, отдающая приоритет личным искам по отношению к коллективным, дешевизна и скорость правосудия во многом являются препятствием для широкого применения рассматриваемого института. Кроме того, нельзя признать удовлетво-

---

¹ Федеральный закон от 18.07.2019 г. № 191-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 29 (ч. 1). Ст. 3858.

рительным текущее нормативное регулирование группового производства, оставляющее большое количество вопросов для правоприменения и доктрины. В рамках настоящей статьи сосредоточим свое внимание на некоторых проблемах качества законной силы решения суда в групповом производстве.

Специфика группового производства предполагает, что принятый судом акт распространяется на всех присоединившихся к требованиям лиц, а также на лиц, хотя и не присоединившихся к первоначальному иску, но являющихся членами группы. В соответствии правилами ч. 2 ст. 225.17 АПК РФ и ч. 2 ст. 244.28 ГПК РФ обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда по ранее рассмотренному делу о защите прав и законных интересов группы лиц, не доказываются вновь при рассмотрении судом другого дела по заявлению члена этой группы лиц, который ранее не присоединился либо отказался от заявления о присоединении к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц, предъявленному к тому же ответчику и о том же предмете, за исключением случаев, если указанные обстоятельства оспариваются этим членом группы лиц.

Указанная норма свидетельствует об отступлении от общих качеств законной силы судебного решения, которыми традиционно считаются общеобязательность, исключительность, преюдициальность, неопровержимость и исполнимость. Особое внимание заслуживает характеристика преюдициальности тех обстоятельств, которые установлены вступившим в законную силу судебным актом по групповому производству.

Во-первых, бросается в глаза формулировка ч. 2 ст. 225.17 АПК РФ: «обстоятельства, установленные арбитражным судом... не доказываются при рассмотрении тождественного личного иска арбитражным судом». В диспозиции ч. 2 ст. 244.28 ГПК РФ приведено указание лишь на суд, без конкретизации «суд общей юрисдикции», хотя такой конкретизации в тексте ГПК РФ в принципе не встречается, так что едва ли стоит в этой разнице искать концептуальный смысл. Согласно ч. 3 ст. 69 АПК РФ вступившее

в законную силу решение суда общей юрисдикции по ранее рассмотренному гражданскому делу обязательно для арбитражного суда. Преюдициальное значение фактов, установленных судом общей юрисдикции при рассмотрении дела административного судопроизводства, также не вызывает сомнений¹. Преюдициальное значение обстоятельств, установленных арбитражными судами при рассмотрении дела по существу, для судов общей юрисдикции, установлено и ч. 3 ст. 61 ГПК РФ, а также ч. 2 ст. 64 КАС РФ.

Несомненно, при рассмотрении групповых исков суды применяют общие правила компетенции, и арбитражным судом будет рассматриваться групповой иск только в том случае, если требования всех участников, присоединившихся к требованиям, будут относиться к компетенции этого суда². Однако в действительности допустимы ситуации, при которых участники одной группы будут как коммерсантами, так и гражданами, не имеющими статуса предпринимателя (например, в случае нарушения управляющей компанией прав собственников помещений в многоквартирном доме, находящихся в собственности разных в организационно-правовом статусе субъектов). Допустим ситуацию, что собственниками помещений в здании является 50 субъектов, 20 из которых коммерсанты и используют принадлежащие им помещения для предпринимательских целей, а 30 субъектов – физические лица, проживающие в своих квартирах. Если управляющая компания на протяжении длительного периода в одностороннем порядке начисляла всем собственникам суммы не оказываемых ей услуг, выходящих за пределы обязательств по договору на управление имуществом, и граждане взыскали в порядке группового произ-

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами», п. 38 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

² Ярков В. В. Групповые иски в гражданском процессе: вопросы правоприменения // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11, № 5. С. 94.

водства сумму неосновательного обогащения. Неужели арбитражный суд, рассматривая групповой иск коммерсантов к управляющей компанией, не исключит установленный судом общей юрисдикции факт неоказания управляющей компании соответствующих услуг из предмета доказывания? Конечно, в данной ситуации имеется основание для освобождения от доказывания.

Применение нормы ч. 2 ст. 225.17 АПК РФ и ч. 2 ст. 244.28 ГПК РФ в отрыве от общих правил процессуальных кодексов об освобождении доказывания недопустимо, иное нивелировало бы качества законной силы решения суда, нарушало принцип правовой определенности. Преюдициальная связь судебных актов всех судов судебной системы России объясняется единством функции отправления правосудия и принятием судебных актов от имени Российской Федерации.

Второй, обращающий на себя внимание аспект приведенных норм связан с возможностью оспаривания установленных судами обстоятельств участниками группы, отказавшимися от присоединения к требованию или не присоединившимися к нему. Очевидно, такое решение законодателя является следствием избрания компромиссной модели группового иска для российского цивилистического процесса, но этот компромисс несет в себе масштабный деструктивный потенциал для всего института группового иска, сводя его всего лишь до чуть более масштабной модели процессуального соучастия на активной стороне. С одной стороны, качества законной силы связывают ответчика, который не обладает правом оспаривания установленных обстоятельств при рассмотрении судом личного иска такого участника группы истцов. Однако в аспекте реализации принципа состязательности решение законодателя безупречным назвать нельзя. Если истец по личному иску будет оспаривать обстоятельства, установленные судом при рассмотрении группового иска ранее, и сможет их опровергнуть, ответчик должен обладать также правом опровержения соответствующих обстоятельств. Иное свидетельствовало бы о нарушении баланса интересов сторон и отступлении от начал равно-

правия и состязательности. Предположим, суд отказал в удовлетворении группового иска по мотивам того, что обстоятельства, на которых основывалось требование истцов, были опровергнуты в условиях состязательности ответчиком. Для наглядности представим себе строящийся многоквартирный дом, большая часть участников долевого строительства которого решила заявить об отказе от договора по мотивам существенного нарушения застройщиком строительных работ, что привело к разрушению фундамента дома. Суд установил, что никакого разрушения фундамента нет. Допустима ли сама по себе ситуация повторного установления факта разрушения фундамента в тот же юридически значимый период при рассмотрении нового иска? Разумеется, нет. Общие факты имеют общее значение и не могут опровергаться участниками группы. В общемировой практике законная сила судебного решения в аспекте принципа *res judicata* распространяется на всех, кроме исключенных как не прошедших сертификацию, участников группы. И новелла российского закона о возможности оспаривания уже установленных обстоятельств выглядит по меньшей мере нелогично. Неаккуратное применение цитируемой нормы способно нивелировать значимость группового производства, состоящую в обеспечении единства правоприменительной практики и исключении принятия противоречащих друг другу актов разными судами.

Полагаем, отечественный процессуальный закон допускает такое оспаривание, поскольку при предъявлении личного иска истец вправе избрать иной способ защиты нарушенного права, и по этой причине может отличаться квалификация обстоятельств, составляющих основание иска. Здесь необходимо говорить о том, что не присоединившийся к требованию или отказавшийся от присоединения участник группы вправе доказывать, что основанием его иска является иной юридико-фактический состав, что обстоятельства его дела уникальны; и только при изменении допускается корректировка предмета доказывания и, как следствие, ответчику предоставляется право оспаривания обстоятельств, на которых основаны требо-

вания истца. Подобный механизм выхолащивания позиции характерен для правовых систем, использующих прецедентную практику – для преодоления эффекта правовой позиции, заложенной в прецеденте, нужно выявить *ratio decidendi* (перевод с латинского – обоснование решения) в оригинальном и в настоящем деле.

Следствием качеств *res judicata* решения по групповому иску являются и правила ч. 3 ст. 225.17 АПК РФ и ч. 3 ст. 244.28 ГПК РФ о праве суда возложить на ответчика обязанность довести информацию о принятом по делу решении до всех членов группы кредиторов. Возложение указанной обязанности на ответчика и особенности такого исполнения состоят в прямой зависимости от проведенной судом сертификации группы.

В отличие от модели *opt out* российская модель группового иска не предполагает возможность придания качеств исполнимости решения по отношению к участникам группы лиц, которые не присоединились к заявленным требованиям. Тем не менее, поскольку качества преюдициальности решений по групповым искам, как было указано выше, обладают своей спецификой, в мотивировочной части решения должны быть не только с достаточной ясностью и определенностью установлены обстоятельства, одинаково значимые для всей потенциальной группы лиц, но и приведены критерии для идентификации участников схожих материальных правоотношений как одной группы лиц. От того, насколько правильно и понятно в нем будет проведена сертификация группы лиц, получающих защиту нарушенного права, будет зависеть возможность исполнения этого акта³, а также обеспечена реализация качеств общеобязательности. Поэтому правильно проведенная сертификация группы является одним из специальных условий критерия законности принимаемого решения.

---

³ Решетникова И.В. Размышляя о судопроизводстве: Избранное. М., 2019. С. 436, 438.

В.Н. Щеглов определял под законностью судебного решения такое его состояние или качество, которое характеризуется правильным применением судом норм материального права, соблюдением норм процессуального права и судостройства⁴. Качества законной силы решения суда обеспечены его общеобязательностью и возможностью принудительного исполнения⁵.

Законность судебного решения не может быть формальной его характеристикой. Будучи принятым в определенной судебной процедуре, судебный акт должен нести в себе весь потенциал соответствующего процессуального института. Выявленные выше проблемы преюдициальности при неправильном применении процессуального закона способны не только нивелировать эффективность группового производства, но и поставить под сомнение законность принимаемых судебных актов. В этой связи чрезвычайно важным является приведенное утверждение В.Н. Щеглова о необходимости соответствия решения суда не только нормам материального и процессуального права, но и правилам судостройства. Иными словами, суд, рассматривающий дело в порядке группового производства, должен учитывать специфику разрешения группового иска, должным образом сертифицировать участников группы и распространять качества законной силы акта на всех участников группы лиц.

О.П. Шальнева

ВЛИЯНИЕ НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ ПРОФЕССОРА В.Н. ЩЕГЛОВА НА СОВРЕМЕННУЮ ДОКТРИНУ

В течение 1950–1970-х гг. советскими юристами-учеными создана концепция гражданского процесса, отличающаяся от всех

---

⁴ Щеглов В.Н. Законность и обоснованность судебного решения по гражданско-правовому спору. Новосибирск, 1958. С. 8.

⁵ Там же. С. 9.

иных, существовавших в прошлом. В этот период гражданский процесс приобрел многие самобытные черты, оказав заметное влияние на современное учение о гражданском процессе.

Представители томской научной школы, к числу которых принадлежал В.Н. Щеглов, уделяли пристальное внимание разработке теоретических аспектов гражданского процесса.

В начале научного пути работы В.Н. Щеглова по гражданскому процессу были посвящены судебному решению, его сущности, законности и обоснованности⁶. Сделанные им выводы имели значение для разработки Основ гражданского судопроизводства ССР и союзных республик. Щеглов говорит о требованиях, которым должно удовлетворять судебное решение как важнейший акт правосудия, а также формулирует основания к отмене решения суда в кассационном и надзорном порядке (ст. 37, 47, 51 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик⁷, ст. 191, 306–308, 330 ГПК РСФСР).

После принятия в 1961 г. Основ гражданского судопроизводства Щеглов В.Н. начинает работу в научном направлении – гражданское процессуальное право. С этого времени В.Н. Щеглов направляет свои усилия на исследование теоретической проблемы гражданских процессуальных правоотношений, раскрывая свою точку зрения в монографии «Гражданское процессуальное отношение».

В этой работе В.Н. Щеглов рассматривал гражданское процессуальное правоотношение как урегулированное правом общественное отношение, содержанием которого является фактическое поведение субъектов, а общим объектом – само защищаемое субъективное право. Гражданское процессуальное правоотношение, с точки зрения В.Н. Щеглова, имеет властный характер, так как одной

---

⁶ Щеглов В.Н. Законность и обоснованность судебного решения по гражданско-правовому спору. 88 с.

⁷ Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик (утв. Законом СССР от 08.12.1961). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base>

из сторон правоотношения всегда выступает суд (или судебный исполнитель). Гражданские правоотношения являются в своей основе имущественными отношениями, а гражданско-процессуальные отношения – властно-правовыми, обеспечивающими защиту гражданских прав и предупреждение правонарушений. «Гражданско-процессуальные отношения выполняют служебную роль, ибо процесс возник ввиду потребности в защите материальных прав и только тогда выполнит свою служебную роль, когда метод правового регулирования, определяющий содержание его норм и институтов, будет соответствовать этой служебной роли. Так, различия между гражданско-процессуальным правом и уголовно-процессуальным потому и существуют, что различны гражданское и уголовное право, осуществление которых они обеспечивают»⁸.

В.Н. Щеглов также исследует проблемы предмета и метода гражданского процессуального права⁹. Концепция широкого понимания предмета гражданского процессуального права, разработанная и обоснованная В.Н. Щегловым и профессором Н.Б. Зейдером и поддержанная многими юристами-учеными, имела воздействие на законодательную практику. Постепенно эта концепция вошла в доктрину и была принята в практике. Принципы состязательности и равноправия сторон в судебном процессе были отражены в Конституции РФ и Гражданском процессуальном кодексе РФ. Из Гражданского кодекса РФ был исключен арбитраж как специфический административный орган защиты прав. В науке гражданского судопроизводства до утверждения научного взгляда о широком понимании предмета гражданского процесса было принято считать, что гражданским процессом является только гражданское судопроизводство. Споры о том, что арбитражный процесс является или нет гражданским процессом, а возможно это административный про-

---

⁸ Щеглов В.Н. Гражданское процессуальное правоотношение. М., 1966. 168 с. URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie16666.html>

⁹ Щеглов В.Н. Предмет и метод гражданского процессуального права // Советское государство и право. 1974. № 11. С. 34–41.

цесс, закончилась тем, что государственный арбитраж и ведомственный арбитраж были упразднены, начинает действовать арбитражный суд. Арбитражное судопроизводство сближается с гражданским процессуальным кодексом. Так была подтверждена жизнеспособность и практичность теории широкого предмета гражданского процессуального права. Щеглов настаивал на том, что нормы юридического процесса определяются потребностями материального права, а не природой правоохранительных органов.

Также В.Н. Щегловым была определена именно проблема метода в науке гражданского процессуального права¹⁰. В своей научной статье с одноименным названием Щеглов говорит о том, что имеется проблема определения гражданско-процессуального метода. Ее решение будет способствовать научному и обоснованному определению правовой природы норм арбитражного процесса и общественных форм защиты гражданских прав, а также места гражданско-процессуальных норм в механизме правового регулирования социалистических общественных отношений.

Предмет и метод являются критерием разграничения правовых норм между отраслями права. «Предмет отрасли права может быть правильно очерчен только с помощью метода правового регулирования. Учет характера материальных правоотношений и задач защиты гражданских прав в сочетании с особенностями организационной структуры судов, арбитража и других юрисдикционных органов позволит дать научно-обоснованное определение гражданско-процессуального метода, обеспечит совершенствование норм судопроизводства, арбитражного процесса и общественных форм защиты гражданских прав и будет способствовать дальнейшему укреплению социалистической законности», – указывает В.Н. Щеглов.

---

¹⁰ Щеглов В.Н. Проблема метода в науке гражданского процессуального права // Вопросы совершенствования гражданско-правового регулирования : [сб. ст. / ред.: В. Н. Щеглов (отв. ред.) и др.]. Томск, 1983. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000086182>

Таким образом, исследования В.Н. Щеглова о предмете и методе гражданского процессуального права, соотношении процессуальных форм защиты гражданских прав, гражданского процесса как общественного отношения и как системы, гражданского процесса и процедуры имели важное практическое значение для становления советского законодательства, во время жизни В.Н. Щеглова, влияют они и на современную доктрину. Разработанное им понятие гражданского процесса как общественного отношения¹¹, деятельность субъектов которого (содержание), направленная на защиту гражданских прав и охраняемых законом интересов, должна осуществляться в строгом соответствии с их правомочиями и обязанностями (формы), – было призвано способствовать правильному пониманию соотношения процессуальных прав и обязанностей с процессуальными действиями суда и других субъектов и дальнейшему укреплению законности к сфере защиты гражданских прав¹².

Предложенные Щегловым научные точки зрения позволяют по новому взглянуть на обсуждаемые и сегодня проблемы процесса – раскрытия доказательств; «повышенной» доказательственной силы отдельных средств доказывания; ординарных и экстраординарных способов проверки судебных актов; участия и функций прокурора в гражданском процессе, содержания принципов состязательности и диспозитивности; о публичном элементе в формировании предмета доказывания по гражданским делам; об особом мнении судьи; о судебной практике как источнике процессуального права.

---

¹¹ Щеглов В.Н. Гражданское процессуальное отношение как правоотношение // Вопросы гражданского, трудового и гражданско-процессуального права. Томск, 1969. Т. 194. С. 163–169.

¹² Субъекты судебного гражданского процесса. Издательство томского университета, 1979. 129 с. / С.Ю. Кац, В.В. Комаров, Л.Я. Носко и др. // Правоведение. 1980. № 6. С. 103–104.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «РАЗВИТИЕ ИДЕЙ В.Н. ЩЕГЛОВА ОБ ЭФФЕКТИВНОЙ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЕ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В НАУКЕ И ПРАКТИКЕ»¹³

Л.В. Бормотова, студент ТГУ

Научный руководитель – ассистент О.П. Шальнева

ВКЛАД В.Н. ЩЕГЛОВА В СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ ПРЕДМЕТА ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

В действующей доктрине гражданского процессуального права существует два подхода к определению предмета этой отрасли – узкий и широкий.

Виктор Нифионович Щеглов в своих работах активно поддерживал и развивал определение предмета гражданского процессуального права с точки зрения широкого подхода. Он определял гражданское процессуальное право как систему правовых норм, направленных на защиту гражданских прав, регулирующих общественные отношения судебных, арбитражных и общественных органов с лицами, участвующими в деле, и другими субъектами¹⁴. В.Н. Щеглов отдельно отмечал, что его оппоненты, сторонники узкого подхода, исходят из того, что природа отрасли процессуального права определяется природой правоприменительного ор-

---

¹³ Круглый стол проведен в рамках XXII Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Российское правоведение: трибуна молодого учёного», 31 марта – 2 апреля 2022 г.

¹⁴ Щеглов В.Н. Советское гражданское процессуальное право (понятие, предмет и метод, принципы, гражданское процессуальное правоотношение) : лекции. Томск, 1976. С. 8.

гана. Однако, по его мнению, данный критерий не позволяет ограничить одну процессуальную отрасль от другой.

Помимо этого, В.Н. Щеглов в своих работах указывал на особое место нотариата в системе органов гражданского процессуального права¹⁵. Нотариальные органы санкционируют возникновение гражданских материальных правоотношений, закрепляют их документально с соблюдением установленной законом формы. В.Н. Щеглов относит к гражданскому процессу деятельность нотариальных органов не только по защите нарушенных прав, но и всю деятельность нотариальных органов, поскольку она обеспечивает реализацию гражданских материально-правовых норм¹⁶.

Параллельно с В.Н. Щегловым в этом направлении работал Н.Б. Зейдер, который считал, что основным критерием по определению предмета гражданского процессуального права должны быть характер и содержание деятельности соответствующих органов государства и общественных организаций. Деятельность суда, органов арбитража, профсоюзных организаций, товарищеских судов и т.д. в определенной области служит одной общей цели и имеет один предмет – разрешение спора о праве и защиту нарушенного или оспоренного права¹⁷.

Продолжателем идей Виктора Никифоровича Щеглова в томской научной школе является Г.Л. Осокина. Однако в своих трудах она ограничивает широкое понимание предмета гражданского процессуального права деятельностью судов общей юрисдикции, арбитражных судов и третейских судов. Деятельность же нотариальных органов как составной части гражданского процесса ею не рассматривается. Из этого следует, что В.Н. Щеглов определял предмет граждан-

---

¹⁵ Щеглов В.Н. Соотношение гражданского процессуального правоотношения с другими правовыми отношениями // Труды Томского государственного университета имени В.В. Куйбышева. Т. 162: Вопросы экономики и права. Томск, 1963. С. 89.

¹⁶ Там же. С. 90.

¹⁷ Зейдер Н.Б. Предмет и система советского гражданского процессуального права // Правоведение. 1962. № 3. С. 69–82.

ского процессуального права шире. В доктрине гражданского процессуального права такой подход называют еще неошироким.

Узкое понимание предмета гражданского процессуального права состоит в том, что сторонники этого подхода отождествляют гражданский процесс с производством в судах общей юрисдикции¹⁸. Данный подход являлся исторически первым и был актуален для своего времени.

Однако именно позиция В.Н. Щеглова нашла отражение в действующем законодательстве. Он отстаивал необходимость включения государственного арбитража в систему органов гражданского процесса. Так в 1991 г. система арбитражей была упразднена, взамен нее была создана система арбитражных судов под началом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации.

Д.В. Заверуха, студент ТГУ

Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.Г. Галковская

КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА СУДЕБНОЕ РЕШЕНИЕ ПО ДЕЛАМ УПРОЩЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Статистические данные о работе арбитражных судов свидетельствуют об активном использовании упрощенных процедур при разрешении споров, что делает актуальным исследование отдельных вопросов, касающихся эффективности такого судопроизводства, в связи с реализацией в арбитражном процессе принципа процессуальной экономии.

Судебное решение, определяемое Арбитражным процессуальным кодексом РФ (далее – АПК РФ), как акт правосудия должно

---

¹⁸ Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть : учебник. 3-е изд., перераб. М., 2013. С. 18.

отвечать определенным требованиям, к числу которых относятся мотивированность, обоснованность и законность судебного решения. Тогда как некоторые исследователи, не соглашаясь с позицией законодателя, рассматривают отступление от установленной процессуальной формы, упрощение процедур, исключительно как суррогат правосудия¹⁹.

Бесспорно, что в целях оптимизации гражданского судопроизводства все-таки допустимы некоторые отклонения от ординарной формы рассмотрения споров, но такие отклонения должны быть направлены на достижение социальной цели упрощения²⁰ и, конечно, не противоречить нормам права.

Несоответствие судебного решения по делам упрощенного производства критериям законности, обоснованности и мотивированности является доводом в поддержку тех авторов, которые не соглашались считать его итоговым актом правосудия.

Требование законности, по представлению В.Н. Щеглова, складывается из таких элементов, как соответствие материальным и процессуальным нормам права и отправление правосудия законным составом суда²¹. Нарушение данного требования чаще кроется в практической деятельности судов.

Что касается критерия обоснованности, т.е. правильности судебного решения с фактической стороны (в широком смысле), то можно усомниться относительно соответствия решения по делам упрощенного производства данному критерию, поскольку у суда отсутствует обязанность по составлению полного текста решения. Также стоит отметить, что правом на подачу заявления о составлении полного

---

¹⁹ Сахнова Т.В. О современной парадигме цивилистического процесса // Осуществление гражданского судопроизводства судами общей юрисдикции и арбитражными (хозяйственными) судами в России и других странах СНГ. М., 2014. С. 36.

²⁰ Борисова Е.А. Упрощенное производство в гражданском судопроизводстве: международно-правовые стандарты, зарубежный и российский опыт // Закон. 2017. № 7. С. 78.

²¹ Щеглов В.Н. Законность и обоснованность судебного решения по гражданско-правовому спору. Новосибирск, 1958. С. 8.

текста судебного решения обладает ограниченный круг субъектов. Было бы правильным расширить круг лиц, уполномоченных на подачу такого ходатайства, за счет включения в их состав лиц, права и обязанности которых затрагивает данное судебное решение.

В.Н. Щеглов определял мотивированность как качество процессуального документа, отражающего доводы суда, обуславливающие вывод по поставленному на разрешение вопросу²². Формой внешнего выражения требования мотивированности является мотивировочная часть судебного решения, которая, как уже отмечалось, отсутствует у решения по делам упрощенного производства. Именно поэтому такое решение не будет соответствовать требованию мотивированности, пока лица не запросят суд изложить решение в полном объеме либо же не направят апелляционную жалобу на него.

Анализ содержания изложенных обязательных требований судебного решения не позволяет утверждать, что оно в рамках упрощенного производства в полной мере таким критериям соответствует, а значит, не может быть правосудным, что, на мой взгляд, ставит точку в определении правовой природы упрощенного производства.

А.Е. Корчагин, студент ТГУ

Научный руководитель – ассистент О.П. Шальнева

ПОНЯТИЕ ДОКАЗЫВАНИЯ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Вопрос о понятии доказывания в доктрине не является новым. Однако ни советская, ни современная российская доктрины не пришли к единому пониманию явления.

---

²² Щеглов В.Н. Законность и обоснованность судебного решения по гражданско-правовому спору. Новосибирск, 1958. С. 58.

В науке сформировалось два подхода относительно вопроса, что включается в понятие доказывания. Первая группа ученых считает, что в него включается деятельность сторон, а также суда. Последний в случае недоказанности обстоятельств, на которых основаны его выводы, претерпевает негативные последствия в виде отмены решения. К тому же суд наделён рядом полномочий по получению доказательств, что свидетельствует о его участии в доказывании; цель доказывания – установление объективной истины. Вторая группа ученых считает, что суд не включается в процесс доказывания, так как описанная ранее позиция не свидетельствует о возложении на суд бремени доказывания; цель доказывания – убеждение суда в обоснованной истинности позиции стороны в споре.

В дискуссии приняла участие и томская научная школа гражданского процесса. В.Н. Щеглов в своих трудах приходит к выводу, что включение суда в процесс доказывания приводит к смешению прав и обязанностей сторон и суда. С его точки зрения, цель деятельности суда – познание объективной истины юридических фактов, тогда как цель сторон состоит не в этом, а в убеждении суда в том, что именно она считает истинным.

Нормы современного ГПК РФ совпадают с позицией ученого. Ранее действовавшие нормы советских гражданских процессуальных кодексов делали больший акцент на роли суда в процессе доказывания, но на сегодня действующее законодательство, сузив полномочия суда и не требуя от него активного участия в выяснении всех обстоятельств (ч. 2 ст. 5 ГПК РФ, ч. 3 ст. 9 АПК РФ), не позволяет сделать такого вывода.

Позиция В.Н. Щеглова видится более обоснованной. Более того, участники судебного разбирательства выполняют различную процессуальную деятельность: стороны – судебное доказывание, а суд – судебное познание.

Зачастую в литературе предлагается включить в кодексы понятие доказывания. Это, пожалуй, преждевременно. Во-первых, дискуссия не исчерпана. Во-вторых, законодатель опосредованно уже

выразил свою позицию в действующем законодательстве. Введение такого понятия чревато появлением новых противоречий в законе. Рациональным видится продолжение дискуссии, не следует торопить законодательное регулирование.

А.В. Панкова, студент ТГУ

Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.Г. Галковская

СРАВНЕНИЕ ПОНЯТИЙ ОБОСНОВАННОСТИ И МОТИВИРОВАННОСТИ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

Судебное решение в гражданском процессе является правоприменительным актом, разрешающим гражданское дело по существу. Для приобретения такого статуса (правоприменительного акта) документ должен отвечать определенным требованиям, которые закреплены в ст. 195 ГПК РФ, ст. 15 АПК РФ, ст. 176–177 КАС РФ.

Обоснованность решения суда является свойством, наличие которого, наряду с законностью, позволяет говорить в целом о правосудности судебного акта. Также неотъемлемым структурным элементом акта правосудия по гражданскому делу является его мотивировочная часть, которая не может быть сведена лишь к форме процессуального решения.

Решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании, а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов²³.

---

²³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157800/ (дата обращения: 01.03.2022).

В.Н. Щеглов делал вывод о том, что мотивированность представляет собой качество судебного решения и одновременно – часть этого документа, отражающего аргументы, обусловившие вывод суда по поставленному перед ним правовому вопросу. По мнению автора, мотивированное решение должно содержать оценку доказательств, толкование законов, а также доводы, положенные в его основу²⁴.

Представляется, что мотивированность решения необходимо ввести во все процессуальные кодексы как самостоятельное требование, предъявляемое к процессуальному акту, поскольку именно это свойство акта правосудия придает последнему внутреннюю и внешнюю убедительность и представляет собой систему доводов, аргументов, ссылки на закон.

Следовательно, обоснованность означает, что выводы, к которым пришел суд, должны базироваться на доказательствах, а мотивированность – наличие в судебном постановлении ссылки на доказательства, оценку доказательств, обоснование выбора и толкование применяемой судом нормы права. Мотивированность касается как фактической (например, доказательства), так и правовой стороны (определение и толкование закона) основания решения. В последнем проявляется также связь мотивированности решения с его законностью.

Думается правильным выделять мотивированность в качестве относительно самостоятельного требования в числе предъявляемых к судебному решению по гражданскому делу. При этом мотивированность судебного решения равным образом связана, как с обоснованностью, так и с законностью решения.

Таким образом, обоснованность судебного решения нельзя смешивать с его мотивированностью. Практическое значение разделения мотивированности и обоснованности заключается в том, что требование обоснованности концентрируется, главным образом, на достигнутом в результате судебного разбирательства зна-

---

²⁴ Щеглов В.Н. Законность и обоснованность судебного решения. Новосибирск, 1958. С. 59.

нии о фактических обстоятельствах дела. Мотивированность же характеризует процесс формирования убеждения суда как по вопросам судебного познания (прежде всего – доказывания), так и по вопросам судебного правоприменения.

Вопросам мотивированности судебных актов в процессуальной науке уделено недостаточно внимания. Данная проблема имеет практическое значение, поскольку если судебное постановление не отвечает предъявляемым к нему требованиям, то может быть поставлен вопрос об его отмене.

Л.Е. Троцкая, магистрант ТГУ

Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.Г. Галковская

**ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА ЛИЦ,
ОБЛАДАЮЩИХ ПРАВОМ НА ОБРАЩЕНИЕ В СУД
ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ
ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ИЛИ
ЛИЦА, ПРИЗНАННОГО В УСТАНОВЛЕННОМ
ПОРЯДКЕ НЕДЕЕСПОСОБНЫМ, В СЛУЧАЕ ОТКАЗА
ЗАКОННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ
ОТ МЕДИЦИНСКОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА,
НЕОБХОДИМОГО ДЛЯ СПАСЕНИЯ ЖИЗНИ**

Вопрос о субъектах, наделенных возможностью инициировать судебный процесс об оспаривании отказов законных представителей, не получил законодательного закрепления в нормах главы 31.1 КАС РФ.

В ч. 5 ст. 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» предусмотрено лишь право медицинского учреждения на обращение в суд. Управомочивающая норма закона создает не только ситуацию безответственности, но и опасности «в плане отсутствия механизмов защиты интересов

несовершеннолетних и недееспособных пациентов»²⁵, поскольку позволяет врачам самостоятельно решать, когда следует прибегнуть к судебной процедуре. В этой связи целесообразно говорить об установлении обязанности медицинской организации по подаче административного иска.

В доктрине можно встретить различные позиции ученых относительно возможности предъявления административного искового заявления прокурором. Одни считают, что прокурор не обладает правом на обращение в суд, исходя из «анализа конструкции главы 31.1 КАС РФ»²⁶. Другие авторы справедливо полагают, что «возбуждение дел возможно по искам прокуроров»²⁷, потому как положения ст. 39 КАС РФ являются общими и распространяются, в том числе, и на гл. 31.1 КАС РФ. Разрешение поднятой проблемы возможно путем внесения изменений в ст. 285.1 КАС РФ, которые предусматривают для прокурора возможность инициирования процесса по исследуемой категории дел. Вполне может возникнуть ситуация, когда в штате медицинской организации не окажется юриста, который смог бы обратиться в суд. Внесение предложенных изменений позволит исключить ситуацию отказа в принятии административного искового заявления прокурора.

В процессе разработки главы 31.1 КАС РФ высказывалось мнение о необходимости «наделения правом подачи административ-

---

²⁵ Козьминых Е.В. Что нового в «новых основах» для врача и пациента с позиции судебной практики. Комментарий к Федеральному закону «Об основах охраны здоровья граждан в РФ». URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q> (дата обращения: 09.02.2022).

²⁶ Записная Т.В. К вопросу о составе лиц, участвующих по административным делам о защите интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным, в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни // Актуальные проблемы развития цивилистического процесса : сб. науч. ст. II Междунар. науч.-практ. конференции. 2019. С. 34.

²⁷ Бурашников Н.А. Судебное санкционирование недобровольного оказания медицинской помощи в Российской Федерации // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2018. № 3. С. 11.

ного иска орган опеки и попечительства»²⁸. Аргументация заключалась в том, что в законодательстве предусмотрена обязанность законных представителей извещать орган опеки и попечительства. Однако данный орган законодательно не наделен соответствующим правомочием по реагированию на указанную ситуацию. Законодатель пошел по правильному пути, не закрепив такое полномочие органа опеки и попечительства, так как для обращения в суд нужно обладать специальными медицинскими знаниями с целью обоснования административного иска.

Итак, можно сделать вывод, что административными истцами по делам о защите интересов несовершеннолетних или недееспособных граждан, в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, могут быть медицинская организация и прокурор.

А.О. Шаверина, студент ТГУ

Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.Г. Галковская

ГРУППОВОЙ ИСК И ЕГО СООТНОШЕНИЕ С ИНДИВИДУАЛЬНЫМ ИСКОМ, ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ СОУЧАСТИЕМ, ИСКОМ В ЗАЩИТУ ПРАВ И СВОБОД НЕОПРЕДЕЛЕННОГО КРУГА ЛИЦ

Российский гражданский процесс прошел долгий путь формирования такого инструмента защиты массового интереса, как групповой иск. Возможность подачи группового иска возникла в

---

²⁸ Заключение Комитета Государственной Думы по конституционному законодательству и государственному строительству по проекту федерального закона № 909843-6 «О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

РФ в 2009 г. в арбитражном процессе, впервые была введена модель группового иска, сравнимая с зарубежными примерами. С 1 октября 2019 г. Федеральным законом № 191-ФЗ институт группового иска был введен в ГПК РФ (глава 22.3).

В.Н. Щеглов определял иск как требование заинтересованного лица к суду или иному юрисдикционному органу о защите нарушенного или оспариваемого гражданского права или охраняемого законом интереса одним из предусмотренных законом способов на основе разрешения правового спора²⁹. В основе группового иска лежит родовое понятие иска. Для группового иска характерны критерии иска как формы обращения за защитой права в гражданском судопроизводстве, отмечаемые В.Н. Щегловым как отношения, из которых вытекает требование и характер отыскиваемой защиты.

Говоря о соотношении группового и индивидуального иска, нужно помнить о том, что это разновидности иска как формы обращения за защитой прав и законных интересов. Групповой иск – это иск о защите большой группы лиц, являющихся участниками не единого правоотношения, а однородной группы правоотношений, что является важным отличием от индивидуального иска. Особенности такого способа защиты требуют ряда дополнительных действий, не нужных при подаче индивидуального иска.

Процессуальное соучастие и групповой иск схожи по следующим признакам: представитель при соучастии и представитель – участник группы при групповом иске защищают непосредственно свои интересы как истцы, одновременно представляя интересы других лиц, множественность лиц, занимающих процессуальное положение истца; требования истцов имеют взаимосвязь, обуслов-

---

²⁹ Щеглов В.Н. Иск о судебной защите гражданского права : лекции / под ред. Г.Л. Осокиной. Томск, 1987. С. 16.

ленную предметом спора, общая цель данных институтов – процессуальная экономия.

Несмотря на некоторую схожесть, групповой иск и процессуальное соучастие – это два разных института. Главное отличие заключается в том, что при процессуальном соучастии соучастники выступают самостоятельно и обладают всеми правами и обязанностями стороны, а при групповом иске права и обязанности истца будут у одного лица – представителя. Отличаются и процессуальные сроки рассмотрения.

Иск в защиту неопределенного круга лиц и групповой иск схожи тем, что в момент возбуждения дела группа лиц, подавшая иск, не персонифицирована.

Однако при подаче группового иска для дальнейшего рассмотрения дела состав группы лиц устанавливается, ставить знак равенства между данными институтами неверно, так как у них разное назначение.

При рассмотрении дела по иску в защиту неопределенного круга лиц не происходит удовлетворения индивидуальных материально-правовых требований заинтересованных лиц, для этого необходимо возбуждать самостоятельное производство.

При рассмотрении же группового иска в судебном решении содержатся выводы суда в отношении каждого из членов группы³⁰.

На основании изложенного следует, что групповой иск не только не противоречит, но и органично вписывается в существующую систему исковых средств защиты прав и законных интересов и имеет в ней самостоятельное значение.

---

³⁰ Беркумбаев Н.С., Собецкая А.Р. Групповые иски в системе исковой защиты в гражданском процессе // Вопросы российской юстиции. 2020. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grupповые-iski-v-sisteme-iskovoy-zaschity-v-grazhdanskom-protssesse> (дата обращения: 13.02.2022).

ОБ АВТОРАХ

Аргунов Всеволод Владимирович – доцент кафедры гражданского процесса юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук, доцент.

Бормотова Любовь Владиславовна – студент Юридического института Томского государственного университета.

Галковская Наталья Георгиевна – заведующая кафедрой гражданского процесса Юридического института Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Заверуха Дарья Витальевна – студент Юридического института Томского государственного университета.

Князев Дмитрий Владимирович – заведующий кафедрой гражданского процессуального права Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, доцент, кандидат юридических наук; доцент кафедры гражданского процесса Юридического института Томского государственного университета.

Ковалева Анна Владимировна – старший преподаватель кафедры гражданского процесса Юридического института Сибирского федерального университета.

Корчагин Алексей Евгеньевич – студент Юридического института Томского государственного университета.

Кукарцева Александра Николаевна – ассистент кафедры гражданского процесса Юридического института Томского государственного университета.

Панкова Анастасия Владиславовна – студент Юридического института Томского государственного университета.

Рехтина Ирина Владимировна – заведующая кафедрой трудового, экологического права и гражданского процесса Юридического института Алтайского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

Терехова Лидия Александровна – заведующая кафедрой гражданского и арбитражного процесса Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, доктор юридических наук, профессор.

Тимофеев Евгений Игоревич – преподаватель кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса Юридического института Алтайского государственного университета.

Трезубов Егор Сергеевич – доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса Кемеровского государственного университета, кандидат юридических наук.

Троцкая Любовь Евгеньевна – магистрант Юридического института Томского государственного университета.

Шаверина Анастасия Олеговна – студент Юридического института Томского государственного университета.

Шальнева Ольга Петровна – ассистент кафедры гражданского процесса Юридического института Томского государственного университета.

СОДЕРЖАНИЕ

КРУГЛЫЙ СТОЛ «СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ»

Аргунов В.В. Прокурор как субъект гражданских процессуальных правоотношений	4
Галковская Н.Г. О предмете гражданского процессуального права сквозь призму научных взглядов профессора В.Н. Щеглова	20
Князев Д.В. Научное наследие В.Н. Щеглова	35
Ковалева А.В. Развитие неэкспертных форм использования специальных знаний в арбитражном процессе	40
Кукарцева А.Н. Развитие принципа состязательности в арбитражном процессе	46
Рехтина И.В. Стандарт правовой определенности гражданского судопроизводства	52
Терехова Л.А. Преимущества судебной защиты гражданских прав	64
Тимофеев Е.И. Режим гражданского процессуального права: к постановке проблем реализации	68
Трезубов Е.С. Законная сила судебного решения по групповым искам	73
Шальнева О.П. Влияние научных взглядов профессора В.Н. Щеглова на современную доктрину	79

**КРУГЛЫЙ СТОЛ «РАЗВИТИЕ ИДЕЙ В.Н. ЩЕГЛОВА
ОБ ЭФФЕКТИВНОЙ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЕ ГРАЖДАНСКИХ
ПРАВ В НАУКЕ И ПРАКТИКЕ»**

Бормотова Л.В. Вклад В.Н. Щеглова в современное понимание предмета гражданского процессуального права	84
Заверуха Д.В. Критический взгляд на судебное решение по делам упрощенного производства в арбитражном процессе	86
Корчагин А.Е. Понятие доказывания в цивилистическом процессе: прошлое и настоящее	88
Панкова А.В. Сравнение понятий обоснованности и мотивированности судебного решения	90
Троцкая Л.Е. Особенности субъектного состава лиц, обладающих правом на обращение в суд по административным делам о защите интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным, в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни	92
Шаверина А.О. Групповой иск и его соотношение с индивидуальным иском, процессуальным соучастием, иском в защиту прав и свобод неопределенного круга лиц	94
Об авторах	97

Научное издание

**СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ:
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ**

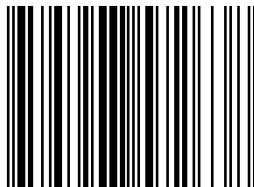
**Сборник статей, посвященный
100-летию со дня рождения
доктора юридических наук, профессора
Виктора Нифионовича Щеглова**

Редактор
Компьютерная верстка А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 23.12.2022 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.
Печ. л. 6,3. Усл. печ. л. 5,9. Тираж 500 экз. Заказ № 5256.

Отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)–52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978-5-907572-63-8

9 785907 572638 >